

*Coda
books
3*

7 БУКВА

МАРИ СЕКСТОН

18+

Пролог

Во всей этой истории виноват Джаред.

Не, я вовсе не хочу сказать, что Джаред не нравится мне. Как он может не нравиться? Он симпатяга. Всегда улыбается, никогда не спорит. Все, блин, обожают его. Он лучший друг Зака и практически женат на моем лучшем друге. Мне бы тоже надо обожать его, да? Но дело в том, что он слишком *хороший*. А

меня – и тут я уверен – считает *плохим*. Особенно после того, что случилось на Новый год. Разве я виноват, если иногда меня так и подмывает взять и врезать ему по морде? Понятно, что никому я не врежу. В смысле, Зак тогда растеряется и не будет знать, что ему делать, а вот Мэтт, наоборот, будет. А я не совсем дебил, чтобы злить Мэтта. Уверен, он и с закрытыми глазами способен надрать мне задницу. Поэтому, когда Джаред улыбается мне, я тоже улыбаюсь и держу свой

чертов рот на замке.

И все же я знаю, что после Нового года он стал смотреть на меня косо. Пожалуй, с этого момента я и начну...

Глава 1

Анжело

Мэтт с Джаредом устраивают новогоднюю вечеринку. Все началось с идеи Мэтта о том, что

им надо быть социально активными, создавать в обществе положительный образ, бла-бла-бла. Джаред не особенно воодушевился, но потом об этом прослышала Лиззи, а что было дальше, вы можете догадаться сами. И, само собой, на вечеринку пришли и мы.

Тут несколько копов с женами, куча учителей, какие-то друзья Лиззи и Брайана. Как только мы заходим, Зак испускает стон.

– Ты чего? – спрашиваю я.

– Ненавижу вечеринки. Я

никого здесь не знаю.

Я хмыкаю.

– Зак, о чем ты? Мы тут всех

знаем!

– Я – нет!

– Они все – наши клиенты.

– Ты серьезно?

– Ну да.

– Ладно. Кто вон та женщина?

– Он показывает в дальний конец комнаты.

– Сьюзен Дэлинжер. Работает в пекарне при продуктовом. Фанатка боевиков.

– А вон та?

– Энн Фарадей. Преподает в школе у Джареда. Любит иностранные фильмы. Во всем городе только она их и смотрит.

– А он?

– Фрэнк Якобсен, механик из

авторемонта на Пятой улице.
Тоже любит боевики, но его жена
любит драмы, поэтому в
половине случаев они сходятся на
том, чтобы взять романтическую
комедию. Очевидно, чтоб никому
не было интересно.

Я оглядываюсь на Зака и от
того, как он на меня смотрит,
заливаюсь краской. У него такое
лицо, словно я прилетел из
космоса или... не знаю... словно я
и впрямь ангел, как он меня
называет, и он потрясен.

– Как у тебя это выходит? – спрашивает Зак. У меня нет ответа. Просто я уделяю внимание, а он нет.

Подходит Джаред и утягивает меня за собой. Ему втемяшилось в голову запихнуть меня в книжный клуб – раз уж я теперь стал читать книжки. Он знакомит меня с парой людей оттуда: с учительницей английского из своей школы и еще с одной леди, которая работает медсестрой. Мало того, что я не понимаю, нахера мне быть в книжном

клубе, так он еще нашел такой, где одни женщины? Иногда мне кажется, что Джаред совершенно не понимает меня, и такие случаи лишний раз это доказывают.

Короче, стою я с этими двумя женщинами, слушаю их, и вдруг появляется он. И мне сразу становится ясно, что этот тип не из Коды. Во-первых, я никогда его тут не видел. А во-вторых, потому что он гей. И не такой, как я, Мэтт, Джаред или даже Зак, а гей с огромной пылающей розовой буквы «Г». Он пониже Джареда,

но выше меня. Худой, с каштановыми волосами. Такую одежду, как у него, в Коде не встретишь. Он одет в духе панк-рокера из 80-х, только более стильно. Как богатенькая версия Сида Вишеса (*один из лидеров панк-группы Sex Pistols – прим. пер.*). Точно при деньгах. И немного женственный. О, и еще одно: он охереть какой секси. Я вижу его, и первая моя мысль о том, каково это будет, поснимать с него все это дизайнерское шмотье.

Он заходит и начинает трепаться с Джаредом – и флиртовать с ним, как ненормальный, а Джаред только отмахивается, словно привык к его заигрываниям и не воспринимает его всерьез. А потом, пока я думаю, как отнесется ко всему этому Мэтт, он оборачивается и глядит прямо на меня.

Скажу сразу: ни в какую любовь с первого взгляда я не верю. Но очень даже верю в страсть с первого взгляда. И

именно это с нами и происходит. Сначала он просто оглядывает меня с головы до пят, а потом улыбается. Это не просто какая-то там улыбка, это типа как приглашение, и у меня не остается сомнений, что мы с ним оба думаем об одном и том же.

Но я теперь с Заком.

Вся эта тема с отношениями для меня до сих пор в новинку.

Первый парень, с которым я замутил, появился у меня почти в шестнадцать. С месяц мы каждый

вечер передергивали друг другу, потом нас застучала его мать, и с тех пор я никогда больше его не видел. Через одиннадцать лет я повстречал Зака, и мы вместе вот уже несколько месяцев. Но за одиннадцать лет между Бобби и Заком у меня ни разу не было отношений. Ни с кем. Все мои связи – а их, не буду врать, было много – были быстрыми, обезличенными. В основном с парнями из клубов. Когда я был младше, то пару раз встречался с одним и тем же парнем три раза

подряд. Но отчего-то на третью встречу люди начинают думать, будто ты готов к разговорам. Оба парня на третий раз начинали выпрашивать, как меня звать, откуда я родом – словом, всю эту мутотень, делиться которой мне совершенно не хочется. И я завел себе правило: с одним парнем не больше двух раз. А спустя несколько лет решил, что и два раза это чересчур много.

Так оно длилось до Зака.

Я знаю, что бывает секс,

бывает любовь, а если повезет, то и секс, и любовь разом – как у меня с Заком. И последние месяцы доказали мне, насколько этот вариант лучше. До сегодняшнего дня я и не помышлял оглядываться назад, но внезапно у меня ни с того ни с сего возникает желание вновь замутить что-то быстрое и обезличенное. Всего один раз. Последний.

Новый тип общается теперь с Лиззи, но то и дело поглядывает на меня. Я чувствую, как он за

мной наблюдает. И думайте, что хотите, но это меня заводит. Чем больше я уговариваю себя перестать о нем думать, тем чаще ловлю себя на том, что смотрю в его сторону.

В конце концов я оглядываюсь и нахожу Зака. Он на кухне, болтает с Мэттом и глядит прямо на меня. Пока я пробираюсь к нему сквозь толпу в гостиной, Мэтт уходит. Я встаю рядом с Заком около стойки – спиной к тому типу, которого стараюсь не замечать.

– Ну как? Хорошо проводишь время? – спрашивает меня Зак, и в его тоне проскальзывает какая-то странная нотка. Не обвинительная, нет. Скорее, он словно посмеивается надо мной. Подняв глаза, я вижу на его лице полуулыбку.

– Угу, – отвечаю.

– Кто он?

– Кто? – переспрашиваю, хотя, кажется, понимаю, о ком он.

По-прежнему улыбаясь, он

бросает на меня выразительный
взгляд.

– Тот, с кем ты флиртовал.

Моим щекам становится
жарко, и я утыкаюсь глазами в
пол.

– Не знаю.

– Он до сих пор на тебя
смотрит. – Я не слышу ни
ревности, ни обиды. Все это будто
бы веселит его. – Он
симпатичный, – добавляет Зак.

– Тебе виднее, – отвечаю, но не могу поднять взгляд.

– Анжело, – произносит он тем своим тоном, который означает, что по его мнению я веду себя, как дурак. – Неужели ты думаешь, что я не научился различать, когда тебя что-то заводит?

Посмотреть на него становится окончательно нереально. Я смущен и мне стыдно, я чувствую себя виноватым. Я так сильно люблю

его. И меньше всего на свете хочу причинить ему боль.

Только я собираюсь открыть рот и попросить прощения, как он неожиданно произносит:

– Давай, Анж. Вперед.

Я поднимаю лицо и вижу, что он на меня смотрит.

– Что? – брякаю глупо.

Обычно это Зак подтормаживает, когда мы болтаем, но сейчас не успеваю за разговором именно я.

– Давай, – повторяет он, улыбаясь. – Развлекись. Только вернись после всего ко мне.

На секунду я замираю, сомневаясь, правильно ли я его понял. Он серьезно? Или это типа проверка? Такие вещи не в характере Зака, но мало ли.

– Не могу, – вымучиваю в конце концов я.

Вид у него становится удивленным. Он вглядывается в мое лицо, высматривает ответ – он часто так делает, словно

думает, что, если смотреть очень внимательно, этот ответ появится у меня на лбу. И наверное на этот раз у него получается, потому что внезапно в его глазах вспыхивает понимающий огонек.

– Идем, – произносит он тихо.
– Нам надо поговорить, но не здесь.

Он берет меня за руку и через дом ведет к двери на задний двор. На улице холодно. Никого нет, только две женщины из гостей курят поодаль. Зак уводит меня к

месту, где Мэтт с Джаредом поставили столик для пикников. Садится на него, и наши глаза оказываются на одном уровне. Но взглянуть на него мне по-прежнему сложно.

– Анжело? – Он ждет, пока я наконец встречусь с ним взглядом, потом продолжает: – Я знаю, что ты его хочешь, а он хочет тебя. Так в чем проблема?

Ощущение, что меня заманивают в ловушку, крепнет.

– Я же с тобой, Зак.

Он цепляет меня за ремень.
Притягивает к себе.

– Я не против.

Где-то минуту я это
обдумываю. Мы еще никогда не
разговаривали о верности,
должны ли мы хранить ее или
нет. Я полагал, что по умолчанию
да, должны.

– То есть, ты говоришь, это
будет нормально – если я стану
спать с другими парнями?

– Нет. – Он всматривается в

мои глаза – настойчиво,
пристально, – и я понимаю, что
сейчас он скажет мне нечто
важное. – Я говорю, что будет
нормально, если *здесь и сегодня* ты
переспишь с *ним*.

– Хорошо. – Вообще, я типа
как рад, что он не предлагает уж
совсем свободные отношения.
Однако они будут и не совсем
моногамными. А чем-то
посередине. И тут я неожиданно
понимаю, что это может значить.
– Но я сам так не смогу, –
предупреждаю я Зака. – Может,

это нечестно, но я не стану тобой делиться.

Он улыбается.

– Сомневаюсь, что у тебя когда-нибудь возникнет такая необходимость.

– И ты не станешь ревновать меня?

Он ненадолго задумывается.
А потом вместо ответа задает мне вопрос.

– Может ли между вами

случиться нечто такое, из-за чего тебе захочется уйти от меня?

Я не раздумываю ни секунды.

– *Нет!* – Хватаю его в охапку и жестко целую. Обнимаю за шею и чувствую, как вокруг моей талии обвиваются его руки. –
Никогда от тебя не уйду.

Он улыбается, однако задает мне еще вопрос.

– Как думаешь, есть ли шанс, что вам с ним будет лучше, чем нам с тобой?

– Нет.

– Но ты все равно его хочешь?

– Мне можно не отвечать. Он видит ответ у меня в глазах, в том, как я вновь краснею. – Анж, это нормально. Я не могу помешать тебе хотеть кого-то еще. И уж точно не могу помешать другим людям хотеть тебя. Наверное, я бы мог отвести тебя домой и попробовать перенаправить твою энергию в свою сторону, но говоря по правде... – Зак пожимает плечами, – мне кажется, ты умеешь отделять секс

от эмоций. – Еще бы не уметь. Я занимался этим одиннадцать лет. Он снова притягивает меня к себе и целует. – Пусть он получит частичку тебя, Анж. До тех пор, пока все остальное принадлежит мне – я не против.

– Я весь принадлежу тебе, – говорю я, и это правда. Пусть меня и тянет потрахаться с этим типом, но делиться с ним хоть кусочком себя настоящего в моих планах нет. – Ты уверен? – спрашиваю я Зака.

Он улыбается.

– Уверен, Анж. – Тут его тон становится типа как деловитым. – Ты поведешь его к нам?

– Ну нет. – Никогда не водил парней к себе в дом. И начинать водить уж точно не собираюсь. – Мы останемся здесь.

– Хорошо. – Он целует меня в лоб и встает. – Развлекайся.

Я остаюсь на заднем дворе еще на пару минут. Морожу задницу и думаю о Заке. Черт.

Надеюсь, в итоге ни одному из нас не придется жалеть об этом.

Вернувшись внутрь, я сразу же нахожу в толпе того типа. По его лицу очевидно, что он тоже меня искал. Он опять улыбается мне – улыбкой-приглашением, как и раньше – и кивает в сторону коридору. В сторону спальни.

И на этот раз я улыбаюсь ему в ответ.

Дождавшись меня у выхода в коридор, он берет меня за руку и уводит вглубь дома. Когда мы

оказываемся у самой спальни, оттуда выходит Джаред и практически врывается в нас.

– Куда это вы? – Джаред подозрительно нас оглядывает.

– В спальню, – отвечает мой новый знакомый. – Сладость, ты же не против? – Голос у него оказывается легким, мелодичным и чуть-чуть похожим на женский. Интонация дразнящая, почти смеющаяся. Словно весь мир – это шутка, и понимает ее только он.

– И чем вы планируете там

заняться? – интересуется Джаред.

Тип смеется.

– Сладость, ты *дико*
очарователен, когда включаешь
дурочку. – Не отпуская меня, он
приобнимает Джареда и за
талию притягивает его к себе. –
Может, с нами?

Джаред отпихивает его так,
словно делал это миллион раз.
Щеки у него начинают краснеть,
и он переводит взгляд на меня.

– А как же Зак?

– А что с ним? – спрашиваю я.

Не потому, что не понимаю, о чем он. Просто меня раздражает, что Джаред считает себя обязанным встрять.

– Ты подумал, что будет, если он обо всем узнает?

– Он и так знает.

– Неужели?

– Да, чувак. Он на кухне. Иди и спроси его сам, если не веришь.

– Не думаю, что тебе стоит...

Но тот тип перебивает его:

– Сладость, ты в курсе, я обожаю, когда ты даешь парня из маленького городка, но в самом-то деле. Мы тут все вроде как совершеннолетние взрослые. – Он протискивается мимо Джареда в спальню, утягивая меня за собой, а я закрываю за нами дверь. Прислоняюсь к ней, и он подходит ко мне вплотную.

– Я уж думал, ты заставишь меня томиться всю ночь, – произносит он, улыбаясь мне.

Невольно и я улыбаюсь.

– Я тоже так думал.

– Однако не хотелось бы, чтобы из-за меня у тебя возникли неприятности с бойфрендом. Ты сказал Джареду правду?

– Я не вру. Он сказал, что мне можно.

Его улыбка становится еще сексуальнее.

– Хорошо. – Он прислоняется ко мне, щекочет языком мое ухо,

и у меня подскакивает пульс. Я думаю лишь о том, что хочу с ним сделать – и ни о чем больше. Но потом он вдруг шепчет: – А он не хочет присоединиться к нам?

Всего несколько слов, но для меня они как пощечина. Не знаю, почему я не подумал об этом сам. Может, так оно было бы лучше. Но потом я представляю, как Зак ласкает другого мужчину, и понимаю, что нет. Не смогу. Зак, может, и не ревнивый, но я-то еще какой. Я отталкиваю его немного, чтобы мне стало видно

его лицо.

– Зака ты не получишь, –
говорю, и получается злее, чем
надо.

Он усмехается.

– Я не хочу его, лапа.
Предложил только ради тебя.

Он уводит меня к постели.
Открывает тумбочку, но не
верхний ящик, как сделал бы я,
если б что-то искал, а сразу
второй, и достает оттуда
бутылочку смазки, а потом,

покопавшись в глубине – пару презервативов.

– Ты был с Джаредом, – изумленно говорю я.

Он улыбается через плечо.

– Много раз, лапа.

Все встает на свои места. Нет, каким же идиотом надо было быть, чтобы не догадаться сразу.

– Ты Коул.

– Господи боже, – кокетливо произносит он. Машет

ресницами и порочно улыбается мне. – Моя репутация опережает меня.

Его жеманство полно иронии, и невольно я улыбаюсь.

– Что ты здесь делаешь?

Он кладет руку мне на бедро. Контакт едва ощутим, но мое сердце вновь начинает биться быстрее.

– Приехал в Колорадо на выходные. И поскольку с прошлого года не разговаривал с

Джаредом, решил позвонить ему
– просто на всякий случай.

– На случай, если они с
Мэттом расстались?

– Уж и помечтать нельзя,
лапа. Как бы там ни было,
Джаред пригласил меня в гости.
Я подумал, может он со своим
большим злобным копом не
станет возражать против трио.

Мне становится смешно.
Чтобы Мэтт дал кому-нибудь
прикоснуться к Джареду? Да
никогда в жизни.

– Ноль шансов.

– Ладно. – Он подходит ко мне поближе. – Ты здесь. И я здесь. – Обнимает меня и целует в шею. И шепчет, задевая мое ухо губами: – Надеюсь, Джаред не сказал ничего такого, что заставит тебя передумать.

Я качаю головой.

– Мне рассказал о тебе не Джаред, а Мэтт.

В его глазах вспыхивает искорка.

– Уверен, ваша беседа была крайне занятой.

– Он сказал, что застукал тебя с Джаредом, когда они были еще не вместе.

Он с улыбкой отмахивается от меня.

– Вот честно, в твоём изложении это звучит так дешево. Когда пришел Мэтт, мы уже давно оделись и все такое. – Он снимает с меня футболку, всем телом льнет ко мне. Его шепот становится мягким и

сексуальным. – Итак, лапа.

Скажи, мы будем болтать всю ночь?

– Надеюсь, нет, – говорю я, а он смеется. Его ладони скользят по моей спине, по талии и ложатся на пряжку ремня. – Я снизу не буду, – предупреждаю я. Может, слегка внезапно, но почему бы и не сейчас.

– Ну и чудесно, лапа, – говорит он и целует меня в подбородок. Я обнимаю его, пробираюсь ладонями под

рубашку. Кожа у него гладкая, мягкая. Он расстегивает мои штаны. Скользит ладонью по животу и в боксеры. Стонет, покусывая мою шею, когда я толкаюсь ему в кулак, и мягкими пальцами начинает нежно исследовать меня, лаская мой ствол.

Время для разговоров и впрямь закончилось. Если не считать Зака, я уже давно не хотел кого-то так сильно. Я сдергиваю с него рубашку и опрокидываю на кровать. Он

поднимает на меня удивленный взгляд, и я вижу, что ему это нравится – эта моя внезапная агрессивность. Я усаживаюсь меж его ног. Не могу решить, откуда начать его трогать. Он тоньше Зака. Такой же худой, как я. На самом деле, тела у нас почти одинаковые, как у братьев. У него хорошая кожа, немного светлее моей, а на груди совсем нет волос. Я провожу ладонями по его бокам, перехожу по живот, а он, закинув ноги мне за спину, трется о меня бедрами. Стонет, когда я

прихватываю губами его сосок, и запускает пальцы мне в волосы. Но пока это не страшно.

Мы тремся друг о друга, пока я по очереди дразню его соски. Когда он делает новую попытку дотянуться до моего паха, я прищипливаю его руки к матрасу. Нет, ему это точно нравится. Его глаза закрываются, он стонет и выгибается подо мной.

Спустившись вниз, я расстегиваю его штаны, и он,

приподняв бедра, помогает их снять. К моей неожиданности оказывается, что на лобке у него нет волос. Он полностью выбрит. У меня таких еще не было, и это охереть, как заводит. Он даже пахнет иначе, чем остальные парни. Не мускусом, а чем-то сладким и чистым. Долго-долго я просто ласкаю его языком и руками. Особенно мне нравится ощущение гладкой кожи его яиц, когда я втягиваю их в рот. Он прерывисто дышит, тихо постанывает, но стоит ему

коснуться моих волос, и я отбрасываю его руки в сторону.

– Сейчас не трогай меня за голову.

– Конечно, лапа. – И его ладони опускаются мне на плечи.

Сперва я облизываю его головку, потом втягиваю его в рот целиком, на всю длину. У него перехватывает дыхание. Раскинув руки в стороны, он хватается за простыни и выгибает спину. На секунду мне кажется, что он уже готов кончить, но потом я слышу

короткий выдох:

– О, боже, а ты хорош. –

После этого он ничего больше не говорит, но я рад, что в соседней комнате громко играет музыка, потому что тихим его не назвать.

Я не буду даже пытаться прикинуть, сколько минетов сделал за эти годы, но такого у меня не было точно. Я поглощаю его всего. Крепко держу за задницу, помогая ему как можно глубже вторгаться мне в рот, мои пальцы скользят меж его ягодич.

Я так возбужден, что легко мог бы кончить от трения о кровать, пока отсасываю ему. И кончил бы, если б был без штанов.

Наконец его мышцы начинают сокращаться, и он стонет:

– Лапа, предупреждаю. – Мне становится смешно, хотя смеяться с членом в глотке не так-то просто. Он вскрикивает, кончая, и я до самого конца держу его глубоко во рту.

Потом я переползаю вверх.

Заглядываю ему в лицо, а он, лежа с полузакрытыми глазами, лениво усмехается мне.

Кончиками пальцев ведет по моей груди, проникает ладонью ко мне в штаны и оборачивает ее вокруг моего члена.

– Сделать тебе то же самое? – спрашивает он негромко, сжимая меня. – Или тебе больше хочется отыметь меня? – Стоит мне представить, как он стоит передо мной на коленях, и у меня перехватывает дыхание, а моя эрекция вздрагивает у него в

кулаке. Он удовлетворенно улыбается. – Как я и надеялся.

Я встаю, чтобы он смог снять штаны. Но свои не снимаю, только приспускаю немного. Пока я надеваю презерватив и смазываю себя, он становится на четвереньки и оглядывается через плечо.

Должен признать, в этот миг из моей головы улетучиваются все здравые мысли. Я просто стою и смотрю на его задницу, зависшую передо мной, как

подношение. Я боюсь к нему прикоснуться. Я знаю, что тогда потеряю самоконтроль.

– Чего ты ждешь?

У меня во рту становится сухо, и я пытаюсь облизнуть губы.

– Не уверен, что смогу быть нежным, – говорю я и не узнаю собственный голос. Это невероятно – то, насколько сильно мне этого хочется.

– И не нужно, лапа, – говорит он со смехом. Потом подмигивает

мне. – Я не такой хрупкий, как кажется. – Он крутит задницей, дразня меня, и я, поймав его бедра, толкаюсь ему навстречу. И чуть не кончаю, когда проталкиваюсь за колечко мышц. Он откидывается назад, понуждает меня войти до упора, и я замираю, наслаждаясь сжимающей мой член потрясающей теснотой.

– Давай же! – шипит он, и остатки моего самоконтроля развеиваются, как дым.

Не успеваю я опомниться, как уже вторгаюсь в него, жестко и быстро. Он задыхается. Наши тела громко шлепаются друг о друга, кровать скрипит, и мне становится наплевать, слышит нас кто-нибудь или нет. Пусть хоть весь мир узнает, что сейчас происходит. Я знаю, что завтра у него там будет болеть, а на бедрах, наверное, останутся синяки, но я не в силах остановиться. Что-то в нем доводит меня до безумия. Я вспоминаю, как брал его в рот,

гладкую кожу без единого волоска, сладкий запах... и, крепко прижимая его к себе, кончаю.

Сразу после он отстраняется. Откидывается на спину и улыбается мне. Я ложусь, не касаясь его, с ним рядом, и какое-то время мы просто лежим и восстанавливаем дыхание.

Спустя несколько минут от произносит:

– Я так и не знаю твоего имени.

Конечно, говорить им, как меня зовут, не в моих правилах, но почему-то сейчас я делаю исключение.

– Анжело.

– Анжело. – Он вздыхает. – Ладно. Мне бы лучше уйти отсюда. Иначе большой вредный бойфренд Джареда поотрывает мне ноги, если застанет меня у себя в постели. Вряд ли для него будет иметь значение то, с кем именно я здесь был.

Есть ощущение, что он прав.

Даже представлять не хочется, что может сказать мне Мэтт. Я встаю, протягиваю ему руку и помогаю подняться. Мы в молчании одеваемся. Я иду за ним к двери, он открывает было ее, потом неожиданно закрывает и поворачивается ко мне.

– Все прошло, да? – произносит он несколько удивленно.

– Что прошло?

– Все это напряжение. Я уже давно никого не хотел так сильно.

Но теперь... – он пожимает плечом, – его больше нет.

Он прав. Что бы я ни чувствовал с ним, оно уже блекнет. Словно спичка, которая ярко вспыхивает, а потом тут же гаснет. Теперь он кажется мне просто обычным парнем, с которым можно тусовать целую вечность, но никогда больше не захотеть потрахаться.

– Вроде того, – отвечаю я.

Он слабо улыбается.

– Мудрый он человек, твой бойфренд. – Он касается моего локтя. – Счастливо, Анжело. – И с этими словами уходит.

Возвращается на вечеринку. Я вижу, как он идет к Джареду, пока тот глядит на меня с таким лицом, словно хочет мне врезать.

Плевать. Не стану я переживать, о чем там думает Джаред.

Я вижу Зака, как только возвращаюсь на кухню. Он стоит, прислонившись к раковине, и

болтает с Лиззи. Стоит мне появиться, и его внимание сразу переключается на меня. В его глазах – любопытство и ничего больше. Ни злости. Ни ревности. Ни печали. И это хорошо, потому что сделанного назад не воротишь, и я не представляю, что бы я делал, если б он внезапно запаниковал.

Я достаю из холодильника содовую и залпом опрокидываю в себя половину, чтобы не идти к нему с чужим вкусом на языке. Потом поворачиваюсь к нему

лицом и вижу его улыбку.

Я прислоняюсь к нему. Его тело такое знакомое, такое надежное. Провожу ладонями по его груди, целую в челюсть. Он вздрагивает, потом расслабляется и обнимает меня. Он – единственное, чего я сейчас хочу. Не знаю, много ли в этом логики, но прямо сейчас я хочу его сильнее, чем когда бы то ни было. Будь мы одни, я бы уже раздевал его.

Я обнимаю его за талию,

привстаю на цыпочки и шепчу:

– И как ты стал таким умным?

Он смеется.

– Уж не знаю, насколько я умный. Джаред минут двадцать расписывал, какой я дурак.

Я заглядываю ему в глаза.

– Он ошибается.

– Ты так думаешь?

Я киваю.

– Я знаю.

Мои руки начинают блуждать по его телу. Вокруг куча народу, но мне плевать. Я притягиваю его за затылок к себе и целую. Я люблю то, как его язык омывает мою губу, как его руки плавно поднимаются по моей спине к шее. Я люблю то, насколько это знакомо. Пусть я знаю все его действия наперед, но они все равно каждый раз меня возбуждают. Именно так и должно быть.

– Зак, – шепчу я ему в губы. – Отведи меня домой.

Он слегка отстраняется, и вот теперь на его лице появляется беспокойство.

– Потому что чувствуешь себя виноватым? – спрашивает он негромко.

Я мотаю головой.

– Нет. – И это правда. Может, и стоило бы, но вины я не ощущаю. Я делаю глубокий вдох, заставляю себя посмотреть ему в глаза и произношу слова, которые обычно застревают у меня в горле, но сегодня

произносить их легче, чем когда бы то ни было раньше. – Потому что я люблю тебя, Зак. – Свет и счастье, озаряющие его глаза в момент, когда я говорю это, – бесценны. – Не могу даже описать, как сильно. – Я снова его целую. – Отведи меня домой, и я тебе покажу.

– Хорошо, – говорит он с улыбкой.

Я волновался, что по дороге домой атмосфера в машине будет странной, но никакой странности

нет. Дома я увожу его в спальню.
Мы раздеваем друг друга, а потом
я обнимаю его и прошу:

– Займись со мной любовью,
Зак.

Он улыбается.

– Все, что пожелаешь, ангел.

Он подталкивает меня к
кровати. Мы не спешим. Он
ласкает меня повсюду, целует
мою грудь, живот, шею. Потом
одна его рука плавно скользит
вниз, к моей заднице, и я

чувствую давление его пальцев.

Неожиданно он
останавливается.

Приподнимается и удивленно на
меня смотрит.

– Ты не...? – Вопрос повисает
в воздухе, но я знаю, о чем он
спрашивает. С Заком я всегда
снизу. Не потому, что он этого
ждет, просто с ним мне больше
всего нравится именно так. Это
самая интимная вещь на свете.
Так я ощущаю с ним наибольшую
близость. Меня не удивляет, что

он решил, будто я был так и с Коулом.

– Только с тобой, Зак. Ты единственный за очень долгое время. Почти за пять лет. – Я тяну его голову вниз и целую, мои руки крепко обнимают его за шею. Кончиком языка я провожу по его губам. – И это тоже, Зак, – шепчу я, пока наши губы соприкасаются. – Только с тобой.

И по его глазам я вижу, как много это для него значит. Он берет меня за руку и целует мою

ладонь.

– Я так сильно люблю тебя,
Анжело.

– Это особенно, Зак. Только с
тобой. За всю жизнь.

– Я знаю.

– У нас с тобой все нормально,
так ведь?

Он улыбается мне.

– Все идеально, Анжело.

А потом он это доказывает.

Два месяца спустя мы с Заком сидим и, как заведено у нас после ужина, собираем пазл. У меня пиво, а у Зака – бокал вина. Мы включаем музыку – ставим наш тотально нелепый плейлист, составленный наполовину из того, что нравится ему, и наполовину из того, что слушаю я, – и если вам кажется, будто Аса и «Сосооп» не могут ужиться в

одном плеере с «Пантерой» и «KoRn», то мы с Заком докажем, что вы ошибаетесь. А если я случайно знаю наизусть песни Эллис, то Заку в этом ни за что не признаюсь. Так же как и он не признается, что делает дома уборку под один из моих альбомов «Green Day». И не спрашивайте нас, почему. Просто вот такие мы странные. (Аса – финский рэпер, Сосооп – французская фолк-группа, KoRn – ню-метал-группа, «Пантера» – глэм-метал-группа, Эллис – фолк-

певица, «Green Day» – панк-рок-группа – прим. пер.)

В общем, мы сидим, все как обычно, и тут приходят Мэтт с Джаредом. Мы не виделись несколько дней, и я рад видеть Мэтта. А вот Джареда – не так, чтобы очень. Моя случайная связь с Коулом совершенно ничего не изменила между мной и Заком, но подпортила дружбу с Джаредом. Нет, он не стал относиться ко мне фигово. Ну, почти. Но теперь он со мной более скован, чем раньше, и

улыбается уже не так искренне. Я пытаюсь вести себя, как ни в чем не бывало, словно не знаю, что он до сих пор слегка бесится, но блин, даже сейчас, через два месяца, атмосфера между нами какая-то странная. Что, я знаю, смущает и огорчает и Зака, и Мэтта, который вообще не в курсе, в чем дело, но как все исправить, я просто не представляю.

Когда они заходят, Зак приносит им пиво, и мы все вместе рассаживаемся в гостиной.

По лицу Джареда ясно, что он чем-то взбудоражен.

– Что такое? – спрашиваю я.

– На следующей неделе – весенние каникулы, – выпаливает он. Это, понятно, имеет значение только для него одного. Он учитель, а значит, на неделю отправится отдыхать.

– И? – спрашиваю я, потому что это явно не все.

– Думаю, нам стоит поехать в Вегас.

– На следующей неделе? – спрашивает Зак.

– Да! Я нашел отличное предложение по номерам, и если ехать на машине, а не лететь, получится совсем недорого. При хорошей погоде это всего двенадцать часов пути, и если садиться за руль по очереди, то можно ехать без остановок.

– Мне тогда придется закрыть прокат, – говорит Зак.

Улыбка Джареда становится еще шире.

– Не придется. Можно выехать в понедельник утром, а вернуться в четверг поздно вечером. – Это значит, что мы с Заком не пропустим дни киносеансов. – А на неделе вас подменят. Мы... – Внезапно Мэтт дает ему подзатыльник, и Джаред немного смущается, но продолжает: – То есть, я уже поговорил с Лиззи и мамами. Они обещали обо всем позаботиться.

В Денвере мы с Джаредом подменяли друг друга сами. Но

здесь, когда мы стали показывать кино, оказалось, что в выходные дни и двоим справиться трудновато. У нас есть несколько человек, которые помогают в прокате в субботу и в воскресенье, но иногда бывает, что нужны люди и на неделе, и вот пару месяцев назад Лиззи вызвалась нам помочь. Она решила взять несколько рабочих часов в неделю, чтобы иногда выбираться из рутины домашних дел, и, конечно, Зак согласился. А потом как-то само собой вышло так, что

нам решила помогать и мама Джареда, Сьюзен, а следом, чтобы ей не было скучно, стала приходить и Люси, мама Мэтта.

Определенных часов у них нет – они просто появляются, когда им самим удобно. Наверное, им нравится периодически иметь возможность пообщаться и посплетничать с теми, кто заглядывает в прокат. Зак пытается им платить, но получается пока что не очень. Говоря по правде, первое время их

присутствие бесило меня. Лиззи ужасно болтливая, а мамы действуют мне на нервы. Но они помогают Заку экономить деньги, да и мы теперь время от времени можем получить перерыв.

Джаред так и сидит с улыбкой до ушей, ждет ответа. Мэтта больше впечатляет его энтузиазм, нежели сама идея поехать в Вегас, но я знаю, что в итоге он сделает все, что захочет Джаред. Зак еще думает, и непонятно, хочет он ехать или же нет.

Ну а я? Я чувствую себя ребенком, которому сообщили, что в этом году Санта придет два раза. Еле сдерживаюсь, чтоб не запрыгать от радости. Я еще не бывал в Вегасе. Да и вообще нигде, кроме Йеллоустоуна в третьем классе, вместе с моей тогдашней приемной семьей. Кроме того раза я никогда не бывал за пределами Колорадо. Джаред мог позвать нас хоть в Канзас – посидеть посреди кукурузного поля, – я и тогда был бы за. Но свою щенячью радость я

показывать не хочу и потому изо всех сил изображаю спокойствие, словно ничего такого тут нет.

– Не знаю, может, и стоит съездить, – произносит Зак, но с сомнением. Он оборачивается ко мне, и, похоже, сделать покер-фейс мне не удастся, поскольку, едва увидев мои глаза, он улыбается и решительно говорит: – Мы согласны.

Мы выезжаем в пять утра в понедельник. Зак с Джаредом ворчат и жалуются на то, что еще

слишком рано. Мы с Мэттом не обращаем на них внимания. Запихиваем их на заднее сиденье Джаредова «бронко» и не успеваем допить свои первые стаканчики с кофе, как они засыпают.

Я сажусь за руль первым, затем меня подменяет Мэтт. Вскоре Зак с Джаредом просыпаются, и кто-то из них достает карты.

– Осторожнее, Зак, – говорит Мэтт, поглядывая на них в

зеркало заднего вида. – Джаред мухлюет. – Я фыркаю, потому что Джаред выглядит таким правильным – ну чисто бойскаут. Я уверен, Мэтт шутит, однако он оборачивается ко мне и повторяет: – Я серьезно. Мухлюет и еще как. – Джаред кидает в него крышечкой от газировки и неожиданно не промахивается. – Эй! Я за рулем вообще-то! – рывкает Мэтт. – Хочешь очутиться в кювете? – И когда я понимаю, что он и сейчас не шутит, то начинаю по-настоящему ржать.

– Нет, правда, – невинно комментирует Джаред. – Один-единственный раз поймал меня, а припоминать будет вечно.

– Хочешь сказать, что мухлевал всего один раз?

– Я сказал, ты всего один раз *поймал* меня.

– Видите? – торжествующе восклицает Мэтт. – Ему нельзя доверять.

– Что это было? – шучу я. – Урок дня?

– Ага, – отзывается Джаред. –
Предоставленный тебе буквой М.

– М значит «мухлеж»? –
спрашивает Мэтт.

– М значит «мастерство».

В конце концов они
подменяют нас, и мы с Мэттом
пересаживаемся назад. Он
откидывается на спинку и, как он
умеет, через пять секунд
вырубается. Их, наверное, спецом
учат этому в школе для копов. А
вот я заснуть не могу. По дороге
смотреть особенно не на что, но

для меня все в новинку. Мне кажется, если я закрою глаза, то обязательно что-нибудь пропущу.

Мы въезжаем в Вегас, и это хорошо, что за рулем не я, иначе мы бы точно попали в аварию. Я знаю, мои глаза практически выкатываются из орбит, пока я пытаюсь объять взглядом все сразу. Наконец мы находим нашу гостиницу и становимся в очередь к стойке регистрации.

– У вас забронировано два

номера, каждый с двуспальной кроватью. Все верно? – спрашивает нас женщина-администратор. Она и бровью не ведет, задавая такой вопрос четверем мужчинам.

– Да, – говорит Джаред.

– Нет, – говорит Зак. Мэтт и Джаред с удивленными лицами оглядываются, а я отворачиваюсь, чтобы спрятать свои покрасневшие щеки. Но Зак ничуть не смущен. – Нам нужен номер с двумя отдельными

кроватями, – спокойно уточняет он.

Наши номера на одном этаже, но не рядом. Мы относим наши сумки наверх, а потом встречаемся внизу, в холле отеля.

– Сначала ужин, – говорит Джаред. – А что будем делать после?

– Мне все равно, – отвечает Зак. – Что захочется Анжело.

Я пожимаю плечом.

– Да я даже не знаю, чем тут
можно заняться.

Мы все оглядываемся на
Мэтта, и он тоже пожимает
плечами.

– Раньше, когда я бывал тут с
друзьями, то ходил в казино или в
стрип-клубы.

– Правда, что ли? –
спрашиваю я.

– Ну да. Зачем еще приезжать
в Вегас?

Я с притворным осуждением качаю головой.

– Фу, Мэтт. Как не стыдно.

Вместо нормальной улыбки он выдает нерешительную усмешку и, приподняв бровь, спрашивает:

– А что в казино плохого-то? –
И я не выдерживаю и смеюсь.

– Я никогда не играю в Вегасе,
– произносит Зак. – Не на что.

– Я тоже не играю, – говорит

Джаред.

– Парни, а знаете, почему? –
обращается Мэтт к нам с Заком. –
Потому что в Вегасе ему не дадут
мухлевать.

Джаред только улыбается и
не говорит ни слова.

Мы выходим на Стрип (*часть
бульвара Лас-Вегас – прим. пер.*) и
начинаем гулять. На первом
перекрестке компания каких-то
типов раздает всем маленькие
карточки. Несколько штук суют в
руки и мне, и я слышу, как Зак

говорит, что мне это не понравится. Поздно. Я уже взял их и, перевернув, чуть не роняю на землю.

– Какого хера! – восклицаю я.
– Нельзя же вот так просто раздавать фотки с голыми телками!

– Ну, – говорит мне Джаред. – Очевидно, можно.

Я даю карточки Мэтту.

– Думаю, это предназначалось тебе, – говорю, а

он фыркает.

Они решают пойти на ужин в «Нью-Йорк, Нью-Йорк» (гостиница-казино, рядом с которой находятся американские горки – прим. пер.). Джаред хочет хот-дог. Зак и Мэтт долго стебуются над ним – мол, какой смысл тащиться в такую даль ради тупого хот-дога, – но он стоит на своем. Лично мне все равно, куда идти и что есть на ужин. Тут для меня все новое. Я так увлеченно глазею по сторонам, что, не замечая, куда иду, то и дело врезаюсь в

прохожих и напрочь теряю нить разговора, который ведут остальные трое. Я знаю, они немного посмеиваются надо мной. Но сейчас мне плевать. В конце концов я хватаюсь за полу Закова пиджака, точно малыш за мамину юбку, и просто иду за ним следом, оглядывая все вокруг огромными, ошарашенными глазами.

– Это что, американские горки? – спрашиваю я, когда мы подходим к гостинице. Мне редко удавалось покататься на

аттракционах, но, блин, я их обожаю. – Давайте прокатимся? – предлагаю.

– О, да! – сразу загорается Джаред, но Зак настроен скептически.

– Только до еды, если можно, – говорит он – уже немного зеленый. И мы сначала идем на горки. От цен на билеты меня чуть не хватает удар, но мы все равно покупаем их и катаемся целых два раза. Потом ужинаем и выпиваем по паре спиртного.

– Куда дальше? – спрашивает Джаред.

– К «Белладжио», – говорит, глядя на меня, Зак. – Уже стемнело. Хочу, чтобы Анж увидел фонтаны.

Я понятия не имею, что это за фонтаны и что в них может быть интересного, особенно в темноте. Но без возражений следую за ними к «Белладжио». Перед отелем находится небольшое искусственное озеро. Они все останавливаются, облакачиваются

на каменную ограду и просто
смотрят на это дурацкое озеро,
пока я пытаюсь понять, что тут
крутого. В смысле, отель и правда
красивый, но как по мне, тот, что
стоит позади нас – с Эйфелевой
башней посередине, – выглядит
куда интересней. Я даже не знаю,
где этот их фонтан – снаружи или
в самом отеле.

Словно прочитав мои мысли,
Зак произносит:

– Просто подожди немного.

И я жду.

Мог бы и догадаться, что Зак знает, о чем толкует.

Внезапно фонтаны включаются, и я в благоговении замираю. Играет идиотская песня из «Титаника». Раньше я считал ее тошнотворно-приторной, но теперь, хоть меня это и бесит, вынужден признать, что фонтаны заставили меня переменить свое мнение. Но как удержаться? Если под эту музыку в воздух выстреливают подсвеченные струи воды, и кажется, будто они танцуют. Не знаю, как нечто

такое простое может быть настолько прекрасным. После того, как шоу заканчивается, я еще долго стою и смотрю на озеро. Потом оглядываюсь и вижу, что Зак с улыбкой наблюдает за мной.

– Это мое любимое место во всем Вегасе, – выдыхаю я.

– Это единственное, что ты здесь видел.

– Все равно.

В конце концов мы

возвращаемся в нашу гостиницу и расходимся по номерам.

Раздевшись до боксеров и футболки, я ложусь на одну из кроватей. Все остальные ухватили немного сна по дороге, но я не спал и теперь совершенно без сил.

Дома я чаще всего ложусь спать у себя в спальне. Зак потому и попросил номер с двумя кроватями – чтобы обеспечить необходимое мне пространство. Ночь – это время, когда дурацкая птица у меня в груди начинает

бить крыльями. Ближе к утру я всегда просыпаюсь и бреду к Заку в комнату, словно ребенок, который забирается в кровать к маме с папой, когда ему страшно. В половине случаев я даже не помню, как ухожу к нему. Иногда я возвращаюсь домой со смены на складе так поздно и таким уставшим, что не раздеваюсь, а просто падаю на кровать и отрубаясь. Потом просыпаюсь и оставляю в коридоре цепочку снятой одежды, которая тянется от моей комнаты до его. Он всегда

просыпается, чтобы обнять меня. Его тело так идеально подходит мне. Обычно нас на пару часов снова уносит в сон. Потом я бужу его, толкаясь бедрами ему в пах или лаская ртом. Или он переворачивает меня на живот и сам в меня входит. Как бы оно ни происходило, это мое любимое время суток. Мы занимаемся любовью почти каждое утро.

Пока я лежу в полудреме, Зак включает телевизор, садится в ногах у меня на кровати и начинает массировать мне

ступни. Это еще одна вещь, которую до Зака мне ни разу не делали. Я и не знал, насколько это приятно. Не будь мои глаза закрыты, они от удовольствия закатились бы к потолку. Глядя в телевизор, он разминает мою правую ногу, потом берется за левую. Потом проводит кончиками пальцев от ступни до коленки, и через секунду я чувствую на лодыжке легкое прикосновение его губ. Не открывая глаз, я улыбаюсь.

– Что ты делаешь?

– Кажется, я влюблен в твои ноги, – говорит он тихо, и я смеюсь.

– Ты такой странный.

– Может быть, ангел. Но не в этом.

Он снова целует мою лодыжку, начинает подниматься все выше, и, когда добирается до коленки, я уже сплю.

Глава 2

Мэтт

Как всегда, я проснулся первым. И как всегда, обнаружил себя на самом краю матраса, тогда как Джаред, привольно раскинувшись голым на животе, занимал большую часть кровати.

Зато я забрал себе все одеяло. Джаред лежал, отвернув лицо в противоположную сторону. Бледно-золотистую кожу его рук и плеч покрывали крошечные веснушки. Тело у него было

твердым, стройным, поистине потрясающим. Я решил было не мешать ему спать – но через миг передумал.

Мы с Джаредом занимались настоящим сексом нечасто. Я до сих пор испытывал в такие моменты неловкость, особенно когда бывал сверху. Собственно, в последний раз это случилось больше года назад – перед Рождеством на полу нашей гостиной. Дело не в том, что мне не нравилось заниматься с ним сексом – конечно, нравилось, –

просто потом я начинал
чувствовать себя плохо. Словно
сделал что-то неправильное. В
моих глазах Джаред был сильным
и мужественным. Он был меньше
меня, зато крепким как черт, и,
когда мы садились на
велосипеды, с легкостью надирал
мне задницу. Не знаю, почему, но
когда я брал его, у меня возникало
ощущение, будто я использую
его или унижаю. Он не понимал
этого моего предубеждения,
однако относился к нему
спокойно. Мы часто ласкали друг

друга, и когда он просил, я отдавался ему, но в целом это не волновало нас. Существовало много других способов подарить друг другу разрядку.

Я устроился рядом с ним. Поцеловал в плечо, потом в татуировку между лопаток. Провел рукой по спине и коснулся его между ног. Он шевельнулся и перекатился на бок спиной ко мне.

– Ты проснулся? – прошептал я.

Ответом мне было долгое «ммммм». Джаред вечно шутил, будто вопрос «ты проснулся?» в моем представлении был равнозначен предварительным ласкам. Он был далеко не жаворонком, даже если дело шло к сексу.

Я обнял его, прижимая к себе. Вклинился своим возбужденным членом в тепло меж его ягодиц, затем протолкнулся ниже. Мне нравилось, когда он зажимал меня своими сильными, мускулистыми бедрами. Он

вздохнул и откинулся на меня. Кончиками пальцев я пробежался по его животу. Он не шевельнулся, когда моя рука нашла его утреннюю эрекцию, но застонал, а потом толкнулся ко мне и накрыл мою руку своей, понуждая меня ускориться. Я зарылся лицом в его спутанные кудри. Даже сейчас они пахли ветром. Мои губы отыскали его плечо, я начал целовать его, но вскоре поцелуи превратились в нечто более агрессивное, и я услышал его ответный стон. Я

продолжал ласкать его, двигая бедрами все быстрее.

Он кончил первым, а вскоре после него – и я. Еще минуту я обнимал его, покрывая поцелуями его плечи и шею.

– Нет, – вздохнул он сонно.

– Что «нет»? – спросил я.

– Нет, я еще не проснулся.

Рассмеявшись, я поднялся с кровати, и он сразу закутался в одеяло.

– Ты присохнешь к простыне,
– поддразнил его я. Он не ответил
и, пока я ходил за полотенцем для
него, снова заснул.

Я принял душ и позвонил
Анжело, потому что знал, что Зак
встанет поздно, а Анжело все это
время будет маяться от
нетерпения, мечтая поскорее
выбраться из отеля. Мы
встретились возле лифта и
выпили кофе, а потом я отвел его
в дешевое казино. Мы сыграли в
блэкджек, после чего я научил его
играть в крэпс. В итоге он стал

богаче на тридцать пять баксов и остался доволен походом.

Когда с нами созвонились Зак с Джаредом, мы как раз доедали завтрак. Встретившись с ними, мы решили прогуляться до «Сизарс-пэлас» (*развлекательный комплекс в Лас-Вегасе – прим. пер.*) и побродить там до обеда. Зак с Анжелю вышли вперед, а мы с Джаредом на некотором расстоянии следовали за ними. Зак обнимал Анжелю за плечо, тогда как Анж держал ладонь в заднем кармане Заковых джинсов,

и всякий раз, когда Зак хотел что-то сказать ему, он наклонялся и шептал это улыбающемуся Анжелю в волосы – а то и открыто целовал его. То была степень интимности, которую мы сами проявляли на людях нечасто. На них оборачивались даже здесь, в Вегасе. Мало-помалу расстояние между нами росло. Сами того не заметив, мы с Джаредом дистанцировались от них, и я не знал, кто сбавил шаг – я или он.

– Им совсем все равно, да? – спросил я.

– Зак об этом и не задумывается, – ответил Джаред.
– Ты же знаешь, какой он. Он, наверное, даже не осознает, что люди на него смотрят. А вот Анжело замечает, но ты прав... ему все равно.

– Тебя это беспокоит?

– То, что они такие?

– То, что я не такой.

Он улыбнулся мне.

– Нет. Нисколько.

У «Сизарс-пэлас» как-то само собой получилось так, что мы поменялись местами. Теперь я гулял рядом с Заком, а Джаред с Анжелю шли на пару шагов впереди нас. Я смотрел по сторонам, выискивая в толпе мужчин, которые были с мужчинами.

– Что ты делаешь? – спросил меня Зак.

– Пробую вычислить пары, – смущенно признался я. – Раньше я никогда не задумывался об

этом, но теперь, когда я вижу двоих мужчин, мне становится интересно, вместе они или нет. – Судя по его виду, мое занятие показалось ему нелепым. – А тебе ни разу не было интересно? – спросил его я.

Он пожал плечами.

– Не обращал внимания. – О чем я бы мог догадаться и сам. Зак редко уделял внимание тому, что происходило вокруг него.

– А по какому признаку ты делаешь выводы? – явно

забавляясь, поинтересовался у
меня Джаред.

– По одежде.

– Думаешь, одного этого
достаточно? – спросил Анжело.

– Ну, я допускаю, что моя
основа для сравнения может быть
немного искажена. Я склоняюсь к
тому, чтобы считать геєм любого,
кто одет лучше Джареда.

Анжело криво ухмыльнулся
мне.

– То есть половину Вегаса, включая Зака.

– Да, но Зак-то гей, – сказал я.

– Да, – сказал Анжело, – но вон те два типа, – он показал на двоих мужчин в костюмах, – одеты лучше нас всех, вместе взятых, однако они натуралы.

– На них бейджики с именами, – сказал я.

– Ну и что?

– Они здесь на конференции

и обязаны быть в костюмах. Так что они не в счет.

– Окей, гений, тогда что ты предлагаешь брать за основу?

Я пожал плечами и беспомощно оглянулся на Зака.

– Обувь, – сказал Зак.

– Пальто, – сказал я.

– Головные уборы, – добавил Зак.

Джаред с Анжелло, усмехаясь, переглянулись, но никак это не

прокомментировали. Мы продолжили нашу прогулку, и спустя минуту Анжело кивнул на человека в лихо заломленной набок шляпе, который шел впереди нас.

– Вы наверняка думаете, что вон тот тип голубой, да? Судя по его шляпе, – сказал он.

Мы с Заком оглядели его и вместе кивнули.

– Натурал никогда в жизни не надел бы такую шляпу на люди, – сказал я.

Джаред хмыкнул.

– Думаю, он просто-напросто европеец.

Мы с Заком снова переглянулись.

– Получается, хорошее пальто или необычная шляпа указывает либо на гая, либо на европейца? – со смешком спросил он.

– Ага, – с сарказмом согласился Анжело. – Что делает нас четверых стопроцентными натуралами. Ну что, кто со мной

по стрип-клубам?

Лично я не возражал против похода в стрип-клуб, но я знал, что Анжело шутит, а Заку с Джаредом точно не интересно, и поэтому промолчал.

– А что скажете вон о тех? – Я показал на еще одну пару мужчин, которые шли вместе. – Геи или европейцы?

Зак внимательно оглядел их, пока они проходили мимо, потом сказал:

– Европейцы.

– Геи, – хором ответили

Джаред и Анжело.

– С чего вы взяли? – спросил

я.

Анжело с Джаредом

посмотрели друг на друга, будто договариваясь, кто мне ответит. В итоге слово взял Джаред.

– У них у каждого по три

пакета из магазина, – сказал он, –

и при этом – ни одного из

Victoria's Secret.

– Может, они покупали подарки для своих матушек, – возразил я, и Джаред прыснул.

– Ну конечно. Ты сам-то часто так делаешь? – Тут он меня подловил, и я ничего не ответил.

– Ладно, – спустя минуту проговорил Зак и показал на очередную пару проходящих мимо мужчин. – Геи или европейцы?

– Геи, – сказал я.

– Европейцы, – бросил через

плечо Анжело.

– Откуда ты знаешь?

– Они разговаривали по-французски!

– Ладно, – улыбаясь, сказал мне Зак. – Похоже, это должно было дать нам подсказку.

– У тебя разве нет чутья на подобные вещи? – спросил его я.

Анжело фыркнул.

– У Зака отстойный гейдар, – сказал он, не давая тому шанса

ответить. – Я проработал у него две недели и только на третью до него дошло, что я гей.

Сам я не удивился, а вот Джаред нашел это смешным.

– Серьезно? – спросил он, оглянувшись на Зака.

– Как, по-твоему, я должен был догадаться? – спросил Зак.

– Я тоже догадался не сразу, – заступился за него я. Джаред с Анжело многозначительно переглянулись, но промолчали. –

Только к обеду в наш первый день на фолк-фесте.

– Да, – откликнулся Анжело через плечо. – Но это другое.

– А как ты-то понял? – спросил его Зак.

Анжело удивленно уставился на него.

– Что именно? Что ты гей?

– Да.

Брови у Анжело поползли на лоб.

– Ты сейчас шутишь, да? – Он опять оглянулся на Джареда, и они дружно расхохотались.

Зак сбавил шаг, я тоже пошел помедленнее, и вскоре Анж с Джаредом обогнали нас на приличное расстояние.

– Даже не знаю, обижаться мне или нет, – пробормотал Зак так тихо, что я еле его расслышал. Я затруднялся с ответом. Анжело с Джаредом по-прежнему шли впереди нас. О чем они разговаривали, было не слышно,

но они оба смеялись, и можно было не сомневаться, что тема их шуток – мы. С другой стороны, теперь у них появилось хоть что-то общее.

Пока Зак, опустив голову, молча брел рядом со мной, Джаред и Анжело постепенно удалялись все дальше. Анжело по-прежнему крутил головой во все стороны, и пусть я его не слышал, но было очевидно, что он трещит со скоростью пулемета, а Джаред находит его восторг занимательным.

– А как насчет вон того? – спросил я Зака, пытаюсь поднять ему настроение, и кивнул на прохожего неподалеку. Наш ровесник, он был одет в дорогое на вид шерстяное пальто с двумя рядами пуговиц. – Гей или европеец?

Зак поднял голову в тот самый момент, когда нас заметил и тот мужчина, и к моему удивлению они оба остановились как вкопанные.

– Джонатан, – сказал Зак.

Я ожидал услышать «гей» или «европеец», и потому его ответ немного сбил меня с толку.

– Что? – глупо переспросил я.

– Это Джонатан, – повторил Зак.

– Зак?! – с радостным изумлением воскликнул мужчина в дорогом пальто. – Неужели это и правда ты? – Весь сияя, он подошел к нам. Зак взирал на него, точно олень в свете фар за секунду до столкновения. Убежать он,

понятно, не мог – как, впрочем, и
собраться с силами для ответа. Но
это было неважно, потому что
Джонатан не умолкал. – Боже,
сколько же лет прошло. – Он
протянул было ладонь, словно
собираясь пожать Заку руку, но в
последнюю секунду передумал,
схватил Зака в охапку и крепко
обнял. Зак шокированно замер в
его объятьях. – Я буквально вчера
о тебе вспоминал. Так приятно
снова с тобой увидеться. – Он
откинулся назад, по-прежнему не
выпуская Зака из рук. – Ты

замечательно выглядишь, – с чувством произнес он. – Совершенно не изменился.

– Ты тоже, – кое-как выдавил Зак. И сразу же замолчал, явно не представляя, что говорить дальше.

Джонатана поведение Зака, похоже, не удивило и не обидело. Отпустив его, он с протянутой рукой повернулся ко мне.

– Привет. Я Джонатан.

– Мэтт, – сказал я, пожимая

его ладонь.

– Приятно познакомиться. –
Он перевел взгляд на Зака, потом снова посмотрел на меня, и я понял, каким будет следующий вопрос. – Вы...?

– Нет, – в унисон сказали мы с Заком, и улыбка Джонатана стала еще шире.

– Что ты делаешь в Вегасе? – спросил он Зака.

– Ммм... – замялся тот, оглядываясь на меня.

– Мы приехали просто так.

Как туристы, – сказал я, поскольку Зак, по-видимому, был не в состоянии сформулировать какой-либо ответ.

– Здорово! – Джонатан повернулся обратно к Заку. – Нам непременно надо пересечься еще раз, пока ты здесь.

На сей раз Зака не хватило даже на «mmm». Он просто стоял с вытаращенными глазами, и у меня возникло ощущение, что мне придется и дальше отвечать

вместо него. Проблема заключалась в том, что я не знал, что надо ответить – «да» или «нет». Неожиданно у моего локтя появился Джаред со своей неизменной улыбкой, и я был готов расцеловать его, поскольку он умел ладить с таким дерьмом куда лучше меня.

– Привет, – сказал он Джонатану и пожал ему руку. Они стали представляться друг другу, и от меня не укрылось то, как обрадовался Джонатан, услышав, что Джаред со мной, а

не с Заком. У меня начало появляться очень плохое предчувствие. Я огляделся, но Анжело нигде не было видно. – Слушай, – сказал мне Джаред, когда они закончили с формальностями, – мы с Анжело будем вон там, в галерее. – Он улыбнулся и, понизив голос, сообщил, словно то был секрет: – Он, оказывается, любитель искусства. – Меня это не удивило, но я не успел ничего сказать, потому что Джонатан снова заговорил.

– Давайте сегодня поужинаем! Я забронирую для нас столик. Как насчет шести вечера?

– Отличная идея, – ответил за нас с Заком Джаред.

Пока Джонатан объяснял ему, где находится ресторан, я посмотрел на Зака и увидел у него в глазах панику. Однако, как остановить этот несущийся к обрыву поезд, он явно не представлял.

Тут подошел и Анжело,

улыбаясь так широко, как никогда раньше, и я задался вопросом, заметил ли Джонатан, какое облегчение появилось на лице Зака, едва он его увидел. А вот Анж Джонатана, кажется, вообще не заметил.

– Зак, идем. Ты обязан увидеть одну картину...

– Анж, как тебе идея поужинать в ресторане? – Джаред явно пытался вовлечь его в разговор, но Анжело было неинтересно.

– Чувак, как решите, мне похер, – ответил он с ноткой раздражения в голосе. Он уже направился к галерее, и мне было ясно, что Заку больше всего на свете хочется уйти вслед за ним. – Только давайте в темпе, ладно?

– То есть, нас будет пятеро? – спросил Джонатан, и эта новость определенно немного умерила его энтузиазм.

– Да, – твердо сказал я. – Анжело тоже будет.

Джонатан снова заулыбался.

– Хорошо, – сказал он. – Тогда увидимся позже. – Он повернулся к Заку. – Буду с нетерпением ждать вечера, Зак.

– Угу, – слабо пробормотал Зак. – Я тоже.

Джаред двинулся к галерее. Джонатан тоже стал было уходить, но внезапно остановился и возвратился к нам.

– Забыл сказать. В том ресторане дресс-код. Ничего излишне формального, но... – он оглянулся на галерею, где

скрылись Джаред и Анжело, – на всякий случай попроси своего друга немного почиститься. – У меня упало сердце, а лицо Зака стало вконец ошарашенным – хотя казалось, куда уж больше. Джонатан ничего не заметил, либо ни придал этому значения. – До встречи. – Он помахал нам на прощание и ушел, оставив нас стоять в неловком молчании.

Я наблюдал за тем, как Зак силится прийти в норму. Он смотрел в землю, его взгляд метался по сторонам взглядом,

СЛОВНО ОН СНОВА И СНОВА
проигрывал произошедшее в
голове и пытался это осмыслить.
Наконец он поднял голову и с
испугом посмотрел на меня.

– Что, черт возьми, только
что произошло? – спросил он.

– Насколько я понял, мы
подписались на ужин, – сказал я,
– с ЭТИМ твоим приятелем.

– О, боже, – простонал Зак,
закрывая лицо руками.

– Он настолько ужасен?

Зак отрицательно покачал головой.

– Он мой бывший.

Внезапно разрозненные кусочки – ошарашенное поведение Зак и откровенный интерес Джонатана – сложились в единое целое. Неудивительно, что Зак так разволновался.

– Дай-ка я проговорю это вслух, – сказал ему я. – Сегодня мы ужинаем с твоим нынешним бойфрендом и с твоим бывшим?

– Похоже на то.

– Одновременно?

– Судя по всему, да, – с

паникой в голосе прошептал Зак.

– Думаешь, Анжело

нормально это воспримет? –

спросил я.

– Нет!

Я знал, Зак не виноват. А если

и виноват, то лишь отчасти. Но

все же слегка на него злился.

– И тебе предстоит попросить

Анжа «немного почиститься».

– О, боже! – простонал Зак.

– Повтори-ка это еще раз.

Иначе это сделаю я.

Глава 3

Анжело

Забавно, что в итоге я ухожу вперед именно с Джаредом. Уж не знаю, как так вышло, но он болтает со мной прямо как

раньше. И смеется тоже. Если вспомнить всю напряженку, возникшую между нами после Нового года, это круто – знать, что мы опять можем стать друзьями.

Мы гуляем, смеемся над непонятливостью Мэтта с Заком и тут замечаем картинную галерею.

Я никогда особо не увлекался искусством, но от этой выставки мне сносит башню. Тут картины, и они офигенные. Безумные,

странные – и прекрасные.

Джаред говорит, они похожи на Сальвадора Дали. Имя я слышал, но ничего у него не видел и потому не знаю, правда они похожи на него или нет. Я знаю одно: они потрясающие. Точно кадры из сна. Или кусочки другого мира, которые кружили в воздухе будто бабочки, но никто их не замечал, кроме художника, который поймал их и поместил на холст, чтобы показать остальным. Впервые в жизни я понимаю, почему люди

выкладывают за картины целые состояния. И впервые в жизни жалею, что не могу сделать этого сам.

Я хочу показать их Заку. Я знаю, он не поймет их, не разглядит того, что вижу в этих картинах я, но все равно хочу, чтобы он их увидел. Я почти не говорю с ним о настоящем – типа своих чувств к нему, – но мне кажется, что через эти картины он сможет увидеть ту часть меня, которую я неспособен показать ему сам.

Джаред уже ушел искать их. Я выхожу из галереи и вижу, что они разговаривают с каким-то типом. Джаред жмет ему руку, улыбается как всегда. Зак выглядит так, словно хочет дать деру, и когда я подхожу к нему, на его лице разливается очень заметное облегчение.

– Зак, идем. Ты обязан увидеть одну картину...

– Анж, – внезапно говорит Джаред, – как тебе идея поужинать в ресторане? – С чего

он завел речь про ужин? Еще и десяти утра нет.

– Чувак, как решите, мне похер. – Я стараюсь не раздражаться. Всего минуту назад я чувствовал, будто мы с Джаредом снова стали друзьями, и не хочу терять это чувство. – Только давайте в темпе, ладно? – прошу я Зака, двигая к галерее. Я вижу, он хочет уйти со мной. Но что ему мешает, не понимаю.

Джаред возвращается через минуту, затем приходят и Зак с

Мэттом. Оба ведут себя странно. Переглядываются с такими лицами, будто кого-то вот-вот должно шандарахнуть молнией, но они пока не знают, кого.

Я все гляжу на картину. Они тут все классные, но эта нравится мне особенно. Ее будто нарисовали спецом для меня. Подходит Зак. Становится за моей спиной и, когда я откидываюсь на него, обнимает меня за шею. Я знаю, Мэтт с Джаредом предпочли бы, чтобы он был посдержаннее. Еще я знаю, что

Зак и не осознает, что ведет себя не так, как они. Ему и в голову не приходит переживать о том, что подумают люди. Я тем более не волнуюсь и никогда не прошу его перестать.

Его губы прямо над моим ухом.

– Вот эта тебе понравилась? – спрашивает он тихо.

– Да.

Несколько секунд он молча рассматривает ее.

– Очень красивая, – говорит он. Это больше, чем я ожидал услышать. Думал, он назовет ее странной. – Я не вполне понимаю, что на ней нарисовано, – добавляет он, – но выглядит интересно.

– Жаль, ее нельзя увезти домой, – говорю я.

Он оглядывается.

– Ценников нет, а значит эти картины стопроцентно стоят больше, чем мы с тобой зарабатываем за год.

– Я знаю. Там еще альбом с ними.

– Почему же ты не купил его?

– Он стоит сто баксов.

– Ого, – произносит он ровно то, что подумал я, когда та леди сообщила мне цену. – Так жалко, Анж. – И фишка в том, что он говорит искренне. Потому я так сильно и люблю его.

Наконец мы уходим из галереи. Смешно, до чего непросто мне это дается. Зак

обещает перед отъездом
привести меня сюда и осмотреть
все еще раз. Какое-то время мы
просто гуляем, потом
останавливаемся перекусить.
Мэтт с Заком по-прежнему ведут
себя странно, переглядываются
ежеминутно, и в итоге я не
выдерживаю.

– Да что с вами двумя?

Вид у них становится немного
испуганным – им явно невдомек,
что у них, блин, на лице все
написано. Правда, в их защиту

стоит сказать, что Джаред тоже выглядит удивленным. Как будто не видно, что они ведут себя словно дети, которых застукали у разбитой банки с печеньем.

– О чем ты? – спрашивает Мэтт, и тут уж я закатываю глаза.

– Не придуривайся, – говорю ему. – В чем дело? – Пытаюсь не засмеяться, но потом перевожу взгляд на Зака и, увидев, как он на меня смотрит, сразу же понимаю: что бы там ни случилось, мне это не понравится.

– Помнишь человека, с которым мы разговаривали, когда ты вышел из галереи?

– Ну. А что?

– Мы с ним сегодня ужинаем.

Странновато, конечно, что они, едва познакомившись с этим типом, решили идти с ним ужинать... но не пофиг ли. Мне-то какое дело?

– Окей, – говорю я.

Мы сидим. Джаред выглядит

таким же озадаченным, каким
ощущаю себя я сам. Мэтт
смотрит куда угодно, только не на
меня. Зак взгляд не прячет, но
выглядит перепуганным до
смерти. А потом я узнаю, почему.
Когда он, глубоко вдохнув,
сообщает:

– Это был Джонатан.

Мне требуется время, чтобы
врубиться. Мы с Заком почти
никогда не разговариваем о его
прошлом – в основном из-за того,
что я таких разговоров не

выношу. Не могу даже думать о парнях, которые были у него до меня. Детский сад, согласен, но переломить себя не могу. Однако о Джонатане я знаю.

– Ты издеваешься, блин? –
взвиваюсь я и сам понимаю, что мой голос звучит слишком громко, пока они втроем машут мне, чтобы я сбавил звук. – Мы будем ужинать *с ним*? С типом, который ушел от тебя? Который ушел от *Гейши*? – Не, реально, у меня не только его бывший бойфренд, но и его бывшая

кошка. Шизануться можно какой расклад.

– Это вышло нечаянно... –
начинает Зак, но Мэтт его прерывает.

– Давай уж, скажи ему и
остальное, – говорит он, и взгляд,
который бросает на него Зак, так
и сочится ядом.

– В смысле, есть что-то еще? –
интересуюсь я.

Зак снова поворачивается ко
мне:

– Ты случайно не взял с собой какую-нибудь приличную рубашку?

Секунду я только и могу, что таращиться на него. Я даже не знаю, что и сказать – а такое со мной бывает, прямо скажем, нечасто. Но в конце концов я вновь обретаю голос.

– Зак, ты сколько времени меня знаешь? Мы, блин, живем вместе. Думаешь, у меня есть что-то приличней того, что на мне сейчас? Думаешь, я прячу свои

«приличные» шмотки в шкафу в ожидании особого случая?

– Можно купить что-нибудь...
– пробует предложить Зак.

– Ты шутишь? Ты видел, какие здесь цены? Я не могу отдать за рубашку...

– Можно зайти в другое казино, подешевле.

– Зачем, Зак? – Я повышаю голос. – Чтобы произвести впечатление на твоего экса?

– Нет...

– У меня есть рубашка, – внезапно подает голос Джаред, прерывая наш спор. – Взял пару на случай, если мы пойдем на шоу или еще куда. – Он оглядывает меня. – Я не намного крупней тебя, Анж. Думаю, она вполне тебе подойдет.

– Прекрасно, – говорю я. Но на Зака не могу и смотреть. Внутри меня – узел. Внезапно абсолютно все начинает бесить меня – даже еда, что фигово,

потому что, как и все в этом городе, она стоит бешеных денег.

Закончив обедать, мы выходим из ресторана. Зак с Джаредом уходят вперед, а Мэтт пристраивается со мной рядом.

– Ты в порядке? – спрашивает он.

– Просто уму непостижимо, – говорю я. – Приехать аж в Вегас и наткнуться на его бывшего. Что за совпадение, а?

Он качает головой.

– На твоём месте я бы не стал больше заглядывать в казино. Потому что в данный момент ты самый неудачливый сукин сын во всем этом чертовом городе.

Будто я сам не знаю.

К тому времени, как несколько часов спустя мы одеваемся, узел страха у меня в животе превращается в гору. Я

опять ощущаю трепет в груди – свою чертову птицу. В последнее время я редко имел с ней дело, но она снова там, напоминает мне, что жива и здорова.

После идиотского обсуждения все сходится на том, что мне-таки можно остаться в джинсах – если я их немного «почищу». Да похер. Я надеваю Джаредову рубашку. Она великовата, но могло быть и хуже. У Зака примерно тот же размер, и я знаю, он тоже взял с собой хорошие вещи. Но почему-то я

надеваю рубашку Джареда. И это реально странно.

Затем Зак достает галстук. Потому что он, естественно, привез с собой не один, а два галстука. В Вегас.

Иногда я удивляюсь: как нам вообще удастся жить вместе?

– Ты серьезно? – спрашиваю я.

Он улыбается.

– Это всего лишь ужин.

Я беру в руки галстук. Но не надеваю, а просто стою и смотрю на него. Я даже не знаю, как с какой стороны подступиться к этой дурацкой штуке. И пусть это глупо, но признаваться в этом Заку я не хочу. Он наблюдает за мной секунду, а потом понимает. Подходит, забирает его и набрасывает мне на шею.

– Нужно, чтобы ты приподнял подбородок, – просит он мягко.

Блин, я даже взглянуть на

него не в силах. Не спрашивайте, почему. Я не знаю. Пока он возится с галстуком, я смотрю в сторону. Наконец он разворачивает меня к зеркалу, а сам, придерживая меня за плечи, становится сзади.

– Ты замечательно выглядишь, – произносит он. Шутит, наверное, но когда я ловлю в зеркале его взгляд, то удивляюсь тому, что вижу. Я был уверен, что он надо мной смеется, но ничего подобного. Я видел этот взгляд у него и раньше.

Много раз, и в этом взгляде нет смеха. Невольно я улыбаюсь. Потом оглядываю себя.

– Иисусе. Осталось подвести глаза и наладить волосы, и я буду вылитый Адам Ламберт (*американский певец, финалист реалити-шоу Americal Idol – прим. пер.*).

– Кто?

– Неважно. – Но я успеваю заметить в его глазах искорку интереса. – А что? Это твоя тема?

Он обнимает меня со спины,
зарывается лицом в мои волосы.

– Если мы говорим о ком-то,
похожем на Зигги Стардаста (*один
из образов Дэвида Боуи начала 1970-
х – прим. пер.*), – шепчет он
сексуально и мягко, вжимаясь в
меня, – то тогда да, это моя тема.

Я улыбаюсь его отражению в
зеркале.

– Всяким там блесткам – нет,
но нанести для тебя чуть-чуть
макияжа, Зак – да в любое время.
– Не то чтобы я никогда раньше

не пользовался подводкой. Это было давно, но было.

Он покрывает поцелуями мою шею, и я ощущаю его эрекцию.

– Только если ты хочешь сам, ангел. Прямо сейчас я думаю только о том, как здорово будет снять с тебя этот галстук, когда все закончится.

– Чем скорее это случится, тем лучше, – говорю я, и он смеется. Но я не шучу.

Когда мы приходим в ресторан, оказывается, что Джонатан уже ждет нас. Зак обнимает меня за плечо, и от моего внимания не ускользает то, как Джонатан оглядывает меня, пока пожимает мне руку. Он оценивает меня и остается обо мне самого невысокого мнения. И не только потому, что я на четыре с половиной дюйма ниже его.

Утром я не приглядывался у нему, но теперь восполняю упущенное. Он чуть-чуть выше Зака и точно так же сложен. Как

бегун. Я вспоминаю то немногое, что говорил о нем Зак. Они познакомились в колледже, на пробежке. После чего Джонатан перекроил свое расписание так, чтобы по утрам бегать с Заком. Аж зубы сводит, до чего мило, да? Волосы у него светлей, чем у Зака, глаза карие, и пусть я ни черта не секу в моде, но его костюм точно стоит больше, чем я получаю в месяц.

– Я заказал нам кальмаров и бутылку вина, – говорит Джонатан, глядя прямо на Зака. –

Надеюсь, ты все еще любишь испанское красное. – Зак улыбается – ему, судя по всему, немного приятно, что Джонатан помнит его привычки.

А я в тот же миг понимаю, что ненавижу этого сукиного сына. Нас уводят к одной из больших круглых кабинок. Мэтт в итоге оказывается напротив меня. Он улыбается этой своей широченной улыбкой и выгибает бровь.

– Хорошо выглядишь, –

говорит он и даже не вздрагивает, получив от меня пинок в голень.

Я открываю меню и при виде цен едва успеваю подхватить свою отвалившуюся челюсть. Этот ужин будет стоить как вся наша еда в Вегасе, вместе взятая, если не больше. Мало того, чтобы сделать заказ, мне по ходу нужен гребанный переводчик. Половина названий тут на французском, и, чтобы понять, что это, блин, за блюда, приходится вчитываться в описания. Которые не очень-то помогают.

– Что такое бальзамический соус? – спрашиваю я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Ожидаю, что умничать кинется Джонатан, но выходит так, что отвечает мне Джаред.

– Для этого нужно выпарить из уксуса жидкость. Таким образом он приобретает насыщенный вкус и консистенцию, как у глазури. – На меня он не смотрит – все изучает меню – и потому не видит, как меня шокировали его

познания. – Где ты его увидел?

– Откуда ты знаешь, что это?

– спрашиваю я.

Джеред пожимает плечом, но мне отвечает Мэтт.

– Да он круглые сутки смотрит кулинарный канал.

– Правда, что ли? – не верю я.

– Если нигде не идет футбол, – прибавляет Мэтт и по тому, как он смотрит на Джареда, любой поймет, насколько он от Джареда

без ума. – Самое смешное, что готовить он так ни черта и не научился.

– Я умею готовить, – заявляет Джаред, хоть мне и видно, что он просто выпендривается.

– Крекеры не считаются.

– Я же буквально на днях сделал для тебя завтрак.

– Когда это? – искренне недоумевает Мэтт.

– В четверг.

Я вижу, как Мэтт мысленно отматывает время до прошлого четверга. А потом произносит:

– Мы ели тосты!

– Я посыпал их корицей.

– И кто тебя научил таким хитростям? – игриво интересуется Мэтт. – Пола Дин или Рэйчел Рэй?

Джаред с совершенно невозмутимой физиономией утыкается обратно в свое меню.

– Думаю, это был Эмерил. (*все трое известные повара, ведущие кулинарных шоу – прим. пер.*)

Приносят вино, и Джаред, Джонатан и Зак наливают себе по бокалу. Мэтт заказывает пиво, так что я решаю, что и мне можно. Вот интересно, сколько Джонатан выложил за эту бутылку? Потому что Зак, кажется, впечатлен. Он пододвигает бокал ко мне и приподнимает брови. Я отпиваю и чуть не закашливаюсь. На вкус вино совсем земля, которую я пробовал в детстве. По моему

лицу, похоже, видно, что мне не понравилось, потому что Зак смеется и произносит: «Мне больше достанется». Он наклоняется ко мне совсем близко, когда говорит это, его голос тихий и мягкий, так что слышу его только я. Он словно говорит мне секрет. Я замечаю, что на нас смотрит Джонатан, и, не удержавшись, целую Зака. Поступок, может, и детский, но мне приятно видеть, как он краснеет и отворачивается.

Мэтт с Джаредом, конечно,

тоже не лучше. Оба возводят глаза к потолку и пьются на него так, словно там нарисованы выигрышные лотерейные номера. А Зак просто улыбается мне, и я понимаю, что мой поцелуй принес ему радость. И ничего важнее этого для меня нет.

Мы заказываем ужин, а потом наступает неловкая пауза. Все сидят и ждут, когда кто-нибудь что-нибудь скажет. В итоге первым заговаривает, конечно же, Джонатан. И, конечно же, он

обращается к Заку.

– Ты так и живешь в Денвере?

– Мы недавно переехали в Коду. В том году, в конце лета.

– В Коду? А где это?

– В горах недалеко от Национального парка Роки-Маунтин.

– Что заставило тебя туда переехать?

Зак улыбается мне и отвечает:

– Это было бизнес-решение.

– Серьезно? А что у тебя за бизнес? Едва ли ты до сих пор работаешь в том видеопрокате.

Возникает пауза. Зак бросает на Джонатана взгляд, который, как мне известно, означает «пошел ты», и говорит:

– Я теперь владелец «того видеопроката».

Джонатан изумлен, но уже через секунду приходит в себя, а затем, к сожалению,

поворачивается ко мне.

– Ну, а чем занимаешься ты, Анжело?

Черт. Мне хочется спрятаться под гребаный стол, но это, конечно, не вариант. Интересно, а упиться за этим чертовым ужином в хлам – это плохая идея или отличная? Я бы выбрал второе, если б напитки не стоили по двадцать баксов. Джонатан все глядит на меня, и я заставляю себя ответить:

– Работаю на Зака.

– О. – Это даже не настоящее слово, но он умудряется произнести его так, что я начинаю ощущать себя полным ничтожеством. Я будто сказал ему, что отсидел в тюрьме, откуда меня выпустили досрочно за мое охерительно хорошее поведение. Он многозначительно скашивает глаза на Зака – явно думает, что заработал себе очко. И, возможно, не ошибается...

– Джонатан, а ты откуда? – спрашивает Джаред, и я бы расцеловал его за то, что он

встрял, если б не перспектива
схлопотать по морде от Мэтта.

– Вообще я живу в Финиксе.
Но не меньше времени провожу в
Вегасе и Лос-Анджелесе. У нас в
Вегасе много клиентов. В итоге
пришлось купить себе здесь
квартиру. – Он оглядывает нас и
спрашивает: – Вы не планируете
сходить на какой-нибудь мюзикл,
пока вы здесь?

– Пока не знаем, – отвечает
Джаред. – Посоветуешь что-
нибудь?

– Почти все в «Cirque» стоит того, чтобы увидеть. – Затем он с улыбкой смотрит на Зака и прибавляет: – Хотя «Призрака» я бы, наверное, рекомендовать не стал.

– Почему? – брякаю я, о чем сразу жалею, поскольку этим вопросом привлекаю внимание Джонатана к себе.

Он улыбается мне притворно-извиняющейся улыбочкой.

– О, Зак его ненавидит. Когда мы его смотрели, он никак не мог

догадаться, почему во время
«Нот» все смеются.

– Я вовсе не ненавижу его, –
говорит Зак.

– Ты просто не понял о чем
он, да? – спрашиваю я, и он
улыбается.

– Конечно, понял, – отвечает
Зак, но я вижу, что он просто
подыгрывает мне. – О парне в
маске, который живет в оперном
театре.

– И только? – уточняю я.

– А разве нет?

– Не, чувак. Это история о сделке с дьяволом и о выборе между мечтой и любовью. Короче, Призрак любит Кристину, которая, как он считает, очень любит свою карьеру. Он думает, что если сделать ее звездой, то и она в него влюбится. Но в конце оказывается, что она не может полюбить его. Как по мне, то скорее из-за того, что Призрак уродлив. Потому она и ведет себя, как пустоголовая сучка. Но

Призрак любит ее так сильно, что в конце концов отпускает. – Внезапно я замечаю, что меня слушает не один Зак, а все, и немедленно затыкаюсь. Я чувствую, что мои щеки краснеют. Зак с Мэттом улыбаются мне, Джареду тоже вроде как интересно, а Джонатан смотрит на меня с таким выражением на лице, что я опять жалею, что раскрыл рот. Точно так, наверное, учителя смотрят на учеников, когда узнают, что те вместо книжки прочли только

краткое содержание.

– Что ж, насколько я понимаю, ты его видел, – говорит он так, словно делает мне одолжение. И мне приходится признаться:

– Только кино.

– Уверен, оно тоже хорошее, – произносит Джонотан, но таким тоном, что становится яснее ясного: ничего подобного он не думает.

– Ты по-прежнему часто

ходишь в театр? – спрашивает его
Зак.

– У меня сезонный абонемент.
– Он опять одаривает Зака
улыбкой. – Знаешь, каждый раз,
когда я смотрю «Вестсайдскую
историю», то думаю о тебе. – Он
явно надеется напомнить Заку о
чем-то важном, но ничего, кроме
недоумения, его слова у Зака не
вызывают.

– Ты про тот мюзикл, где все
начинается во вьетнамском
публичном доме?

– Нет, – с заметным разочарованием отвечает Джонатан. – Это было в «Мисс Сайгон».

Я, понятно, начинаю смеяться. А Джонатан, понятно, не вкуривает, что меня веселит. Он глядит на меня, как на психа, и тогда я затыкаюсь и делаю еще глоток пива.

– Гейша все еще у тебя? – спрашивает Джонатан.

– Только формально, – отвечает Зак, подливая себе вина.

– Теперь она кошка Анжело.

Меня удивляет то, с каким шоком Джонатан это воспринимает.

– Она больше не нужна тебе, да? – говорит он обвинительным тоном.

– Это я ей не нужен.

– Не понимаю.

– Она его ненавидит, – объясняю я.

Прежде чем Джонатан

успевает что-то сказать, Зак кивает.

– Именно. Она ненавидит меня, а вот Анжело обожает. Так что теперь она его кошка.

– Зак, она животное. Сомневаюсь, что она может кого-нибудь...

– Думаешь, ты знаешь ее лучше Зака при том, что не видел ее десять гребаных лет? – интересуюсь я.

Мэтт пинает меня под

столиком, а Джаред спрашивает:

– Джонатан, ты любишь футбол?

И на этом наша милая беседа заканчивается. Приносят еду, но они продолжают треп. Я же попиваю свое дико дорогое пиво и ковыряю свою дико дорогую еду. И держу свой чертов рот на замке. Мне бы очень хотелось, чтобы и они ели молча, потому что чем скорее мы закончим, тем быстрее отсюда свалим – и разбежимся с Заковым бывшим.

Почти весь ужин мне удастся избегать разговора с ним, но потом он спрашивает у Джареда:

– Ты живешь в Колорадо всю жизнь?

– Угу.

– Что закончил? CU? Мы все, похоже, были там в одно и то же время.

Джаред смотрит на него так, будто раздумывает, стоит ли приложить его по полной программе.

– CSU – это для богатеньких детишек из других штатов, – говорит он с улыбкой. – Если ты живешь в Колорадо, то обязан поступать в CSU.

Это вызывает у Зака с Джонатаном смех, и Джонатан говорит:

– Вы, землекопы (*намек на один из основных факультетов CSU – прим. пер.*), всегда завидовали парням из Большой дюжины (*спортивная ассоциация колледжей, куда входит CU, университет, где*

учились Зак с Джонатаном – прим. пер.).

Джаред, судя по его физиономии, начинает по-настоящему раздражаться, и я жду, что сейчас он скажет что-нибудь грубое, но Мэтт кладет ладонь ему за запястье и говорит Джонатану:

– Не заводи его! Давайте не устраивать за ужином Противостояние Скалистых гор (давнее соперничество между футбольными командами СИ и

CSU, начавшееся еще в 1893 году – прим. пер.).

Джонатан кивает в сторону Джареда – типа уступает ему.

– Согласен. А ты сам, Мэтт? Где учился?

– В Оклахомском государственном. – Но по его тону ясно, что обсуждать свое прошлое он не хочет. И потому Джонатан, естественно, поворачивается ко мне.

– Ну, а ты что закончил,

Анжело?

Хера с два я признаюсь ему, что и школу-то не закончил. Больше всего на свете мне хочется просто вдарить ему по морде, однако я выдавливаю улыбку и говорю:

– Юрфак Гарварда. Работа в прокате – это так, прикрытие, чисто чтобы вам, тупицам, не было так обидно.

Они смеются. Вроде бы. Я точно не знаю, потому что занят тем, что высасываю остатки

своего пива, а потом и Закова вина со вкусом грязи. Жаль, я не верю в бога. А то бы помолился о том, чтобы этот адский вечер поскорей закончился.

Под столом Зак сжимает мою коленку. Улыбается мне. Я тоже силюсь изобразить улыбку, но получается довольно хреново. Его ладонь поднимается по моему бедру. Он пытается подбодрить меня. Но увы. Не выходит.

Наконец ужин заканчивается, и я как никогда в жизни счастлив

услышать, что никто не хочет десерт. Но потом Джонатан обводит нас всех взглядом и говорит:

– Еще совсем рано. Чем бы вам хотелось заняться? – Мэтт, Джаред и Зак обмениваются неопределенными взглядами, и Джонатан говорит: – На мюзикл мы уже не успеем, так что, может быть, в клуб?

– В какой такой клуб? – скептически интересуется Джаред.

– В *наш* клуб, – улыбается ему Джонатан. – Тут как раз есть один рядом.

Мэтт лишь пожимает плечами, а Зак поворачивается ко мне.

– Ты как, хочешь?

И неожиданно я понимаю, что да. Хочу. Я весь вечер сидел, слушал Джонатана и с каждой минутой раздражался все больше и больше. Уйти в отрыв – ровно то, что мне сейчас нужно. Я представляю, каково это будет –

спустя столько лет снова
оказаться в толпе людей. Немного
выпить. Пофлиртовать,
подурачиться с каким-нибудь
незнакомцем. Это хороший
способ выпустить пар. Не знаю,
как отнесется к этому Зак, но я
сделаю все это, как только
переступлю порог.

– Идея супер, – говорю я.

– Я так не думаю, – внезапно
произносит Джаред, и я знаю, что
взгляд, которым я стреляю в него,
мог бы прожечь в нем дырку.

– Почему? – удивляется Мэтт.

Джаред бросает на него выразительный взгляд.

– Это не лучшая идея, – произносит он. Медленнее и явно надеясь, что на второй раз до Мэтта дойдет скрытый смысл его слов – каким бы он ни был. Но до Мэтта ничего не доходит.

– Не знаю. Я бы сходил, – говорит он.

– Тогда решено. Идем. – Джонатан сияет улыбкой в

сторону Зака.

Мы ловим такси и выезжаем в клуб. Он в нескольких кварталах от места, где мы сидели, но тоже недалеко от Стрипа. Внутри они сразу находят столик – высокий, за которым надо сидеть на табуретах, – потом оглядываются в поисках официанта. Но я знаю, как побыстрей. Иду к бару и беру два шота текилы. Хлопаю оба, а потом возвращаюсь к Заку и встаю за его спиной, подальше от Джонатана, чтобы, когда Зак обернется, Джонатан не мог нас

подслушать.

– Мне хочется потанцевать, –
сообщаю я Заку.

– Хорошо, – отвечает он,
улыбаясь. – Иди. – И уже
начинает поворачиваться к
остальным и к разговору,
который они ведут, но я его
останавливаю.

– Зак. – Я дожидаюсь, когда он
на меня посмотрит. – Взгляни на
танцпол, Зак. – На лице у него
появляется смешливое
выражение, однако он все же

делает, как я прошу. – Ты же видишь, что там?

Он усмехается.

– Анж, я бывал в клубах и раньше.

И все-таки я не уверен, понимает ли он.

– Я говорю, что хочу пойти туда и потанцевать, Зак. Просто хочу убедиться, что ты в точности понимаешь, о чем я.

– Ты говоришь, что тебе

хочется поддурачиться с кем-то, кроме меня. – Я изумлен, но уже через секунду понимаю, каким я был идиотом. Пора бы уже привыкнуть, что Заку не нужно ничего проговаривать. Он немного нагибается, чтобы заглянуть мне в глаза. – С кем ты планируешь отсюда уйти?

– Только с тобой.

– Хорошо. – Он кладет мне ладонь на шею и притягивает к себе. Потом целует меня и шепчет: – Но никакого секса.

– Ты же знаешь, я бы и сам не стал.

– Я люблю тебя.

– Знаю.

– Развлекайся.

Я снимаю галстук и отдаю его Заку, а тот убирает его в карман.

– Ты куда? – спрашивает меня Мэтт.

– Танцевать.

– Ты серьезно?

– Серьезно, – отвечаю я, ухмыляясь. – Что, хочешь тоже?

– Боже упаси, – говорит он, и я смеюсь, потому что именно такого ответа и ожидал.

Я делаю остановку у бара, хлопаю еще один шот, а потом взрываю танцпол.

Глава 4

Мэтт

Когда Анжело сказал, что хочет потанцевать, это было так неожиданно, что в первый момент я решил, что он шутит. Анжело был жестким, эксцентричным, неглупым и порой уморительным остроумным. Пусть он пару раз и рассказывал о своем прошлом, но мне сложно было представить, чтобы он мог отрываться в клубах. Как оказалось, он не только мог, но и умел. И я понял, чего опасался Джаред.

Анжело был как магнит. Он

был пламенем, а все прочие – мотыльками. Они окружали его, как стая волков окружает жертву. Вот только жертва и сама могла сожрать их живьем.

Какое-то время он танцевал один, пусть мужчины вокруг и пожирали его глазами. Совсем как в обычных клубах, когда на танцполе появлялась убийственно великолепная женщина. С минуту все вокруг просто смотрели на него и ждали, гадая – один ли он? Кто сделает первый шаг?

Наконец один из них
отделился от стаи – высокий,
коротко стриженный
платиновый блондин, очень
нахальный с виду. В танце он
приблизился к Анжело, и
Анжело подпустил его. Блондин
обнял его за талию, потянул к
себе. Анжело, смеясь, с
готовностью подчинился. Минуту
они танцевали, втираясь друг в
другу, но потом Блондин что-то
шепнул ему на ухо. Анж
запрокинул голову назад и,
отталкивая Блондина,

расхохотался. Блондин скривился – раздраженно и с удивлением, – однако все-таки отошел.

Следующим к нему подошел мужчина постарше – лучше одетый, немного женственный. Этот нахальным не был. Он двигался медленнее, ждал, что Анжело даст отпор и ему тоже. Но Анж этого не сделал. Тогда он начал расстегивать на Анже рубашку, пока тот флиртующим взглядом смотрел на него снизу вверх. Когда последняя пуговица оказалась расстегнута, Фем

потянул рубашку с плеч Анжело вниз, но на полпути остановился и взялся за края так, что руки Анжело оказались прижаты к бокам. Анжело рассмеялся, откинув голову, а Фем, одной рукой придерживая его за задницу, сунул в выемку у его горла язык. Они принялись тереться друг о друга бедрами. Губы Фема медленно двигались по его шее, и Анжело не мешал ему. Какое-то время они танцевали. До тех пор, пока Фем не сделал попытку поцеловать его

в губы. Тогда Анж с улыбкой крутнулся и вывернулся.

К нему подходили все новые и новые парни. Анжело перемещался между ними будто работающий с толпой актер – улыбаясь, дразня, озорно сверкая глазами.

Пока я таращил глаза на Анжело, Джонатан увел Зака в сторону – как я понял, чтобы поговорить с ним без свидетелей в виде нас. Прислонились к перилам неподалеку, они встали

лицом к танцполу. Джонатан что-то настойчиво доказывал Заку, но тот слушал его вполуха. Я задумался о том, что он чувствует, глядя на выкрутасы Анжело. Я ждал, что он разозлится или обидится. Или вообще не станет обращать внимания на танцпол. То, что я увидел, поразило меня. Пока он смотрел на Анжа, на его лице играла крошечная улыбка, будто он находил происходящее не оскорбительным и не обидным... а забавным.

Я обернулся к Джареду. Он

тоже смотрел на Анжело. Щеки у него покраснелись, и я понял, что он разрывается между тем, возбудиться ему или прийти в крайнее бешенство.

– Я и не знал... –

пробормотал я тупо, и Джаред с раздражением на лице оглянулся.

– Естественно, ты не знал, – резко ответил он. – Может, ты и ложишься каждую ночь спать с мужчиной, но во всем прочем как был натуралом, так и остался. Ты ничего не видишь. Ты не видишь,

какой он, Анжело.

– И какой же он? – спросил я, усиленно стараясь не обижаться.

– Он чистый секс, Мэтт, – сказал он так, словно то была самая очевидная вещь на свете. – Все в нем просто кричит о желании быть оттраханным. Посмотри на него. – Он сердито кивнул на танцпол. – Он выглядит как секс. Пахнет сексом. Он даже ходит как секс.

– Секс умеет ходить? – пошутил я, но Джаред не

засмеялся. А потом меня озадачила совершенно иная мысль. – Ты что, хочешь заняться с ним сексом? – спросил я и немедленно прикусил язык. Я не был уверен в том, хочу ли узнать ответ.

К счастью, Джаред проигнорировал мой вопрос.

– Ничем хорошим это не кончится, – пробормотал он, поворачиваясь к танцполу спиной.

Анжело танцевал теперь с

новым парнем – ростом немного выше него самого, с почти такими же черными и колючими волосами. На его обнаженном торсе было столько татуировок и пирсинга, что и не сосчитать. Прижимаясь к Анжелло со спины, Татуированный терся пахом о его задницу, пока тот с закрытыми глазами покачивался, откинув голову ему на плечо. И у Анжа было такое лицо... я бы прекрасно обошелся без того, чтобы наблюдать на лице своего лучшего друга выражение,

которое, как я ошибочно полагал, предназначалось только для Зака. Одна рука Татуированного шурувала глубоко в кармане его мешковатых джинсов, и не надо было быть гением, чтобы понять, что он там трогал.

– Как Зак может так спокойно это воспринимать? – спросил я тихо.

– Понятия не имею.

Я увидел, что к нашему столику возвращаются Зак с Джонатаном. Зак выглядел

раздраженным. Однако, к моему удивлению оказалось, что сердится он не на Анжело.

– ...Именно это я и имел в виду, Зак, – говорил Джонатан, когда они подошли к нам. Он показал на танцпол. К Анжело и Татуированному присоединился еще один парень, устроив с ними трио трущихся друг о друга бедер и блуждающих по телам ладоней. – С таким, как он, нельзя рассчитывать на длительные отношения.

– Ты не знаешь Анжело, –
сказал Зак.

– Мне и не надо знать его.
Достаточно посмотреть, чем он
занят.

– Он просто развлекается.

– И ты считаешь это
нормальным?

– Тебя это никоим образом не
касается, – огрызнулся Зак. Я был
впечатлен – оказывается, при
необходимости он вполне умел за
себя постоять. – Но да, я считаю

это нормальным. – Я взглянул на Джареда и увидел у него на лице отражение своего собственного неверия.

Джонатан сделал глубокий, размеренный вдох. Решив, очевидно, попробовать новую тактику, он подошел к Заку и положил одну руку ему на талию.

– Зак, я лишь пытаюсь сказать, что соскучился по тебе.

– И когда ты начал по мне скучать? Сегодня?

– Давно. Зак, нам было так хорошо вместе.

– Настолько, что ты ушел.

– И сожалею об этом.

– Не стоит. Все к лучшему.

– Я жалел об этом тысячу раз.

Если б только ты дал мне еще один шанс...

– Слишком позд... – Но договорить Зак не успел, потому что Джонатан притянул его к себе и поцеловал.

– О, черт, – услышал я, как рядом тихо выругался Джаред.

Не прерывая поцелуя, Джонатан обнял Зака крепче. Секунду и Зак целовал его – уж не знаю, намеренно или нет, – а потом разверзся ад.

Я не знаю, в какой момент Анжело перестал танцевать и увидел, что происходит. Может, он наблюдал за ними уже давно. Как только Зак начал сопротивляться и отпихивать Джонотана, он выскочил словно

из-под земли и толкнул
Джонатана в грудь с такой силой,
что чуть было не сбил его с ног.

– А ну убрал от него руки!

Джонатан успел ухватиться за
край соседнего столика.

Оправившись на удивление
быстро, он выпрямился и сделал
шаг по направлению к Анжело.

– Это совершенно не твое
дело...

– Ты целуешь моего
бойфренда и называешь это,

блин, не моим делом?

– Я так понял, у вас свободные отношения, – ровным тоном отпарировал Джонатан, надвигаясь на Анжело. – Когда увидел, что ты выделялся на танцполе...

– Но ты, блин, точно не видел, как я кого-то там целовал!

– О. – В голосе Джонатана впервые появилась неприятная нотка. – Так вот где ты проводишь черту?

– Да пошел ты!

Зак наконец-то пришел в себя настолько, чтобы вмешаться. Я надеялся, он как-то разрядит обстановку, но он сделал нечто противоположное. Положил руку Анжело на плечо и выдал худшую из возможных фраз.

– Анж, ты реагируешь слишком остро, – сказал он тихо, и мне захотелось придушить его. Как можно быть с Анжело и не знать, что говорить ему такие вещи просто нельзя?

– Что? – заорал Анж, вихрем разворачиваясь к нему. – Блин, ты издеваешься, что ли? Твой бывший засовывает свой чертов язык тебе в глотку, а я «реагирую слишком остро»?

Зак уже и сам понял, что совершил промашку.

– Я имел в виду, что... – попытался он включить заднюю, но Джонатан перебил его.

– Значит, это нормально, когда тебя лапают совершенно незнакомые люди, а Заку даже и

поцеловаться нельзя, с кем
хочется?

– Мне не хотелось, – тихо, но
твердо проговорил Зак.

Не обращая на него
внимания, Анжело развернулся к
Джонатану. Его лицо потемнело
от ярости. Может, он и был
невысоким, но если бы он вот так
посмотрел на меня, я бы невольно
отшатнулся назад. Да и любой
другой человек тоже. Но
Джонатан не шелохнулся.

– Сделай же что-нибудь, –

прошипел Джаред и подтолкнул меня к ним.

– У нас была такая хорошая жизнь, Зак, – произнес Джонатан.
– Мы можем вернуть ее. Правда. Я это знаю.

Зак открыл было рот, но Анжело не дал ему вставить ни слова.

– Он со мной!

Джонатан повернулся к Анжело. На него было неприятно смотреть – столько на его лице

было презрения, – и впечатление стало еще хуже, когда он снова заговорил.

– И что же ты можешь предложить ему? – спросил он со злобой в голосе. – Раскладывать по пакетам его покупки из магазина? – Джонатан умолк, и я уж было решил, что мы уклонились от пули, однако потом он сказал то, о чем, по-видимому, думал весь вечер. Пренебрежительно махнув на Анжело пальцами, он насмешливо процедил: – Ты

просто легкодоступная задница – и ничего больше.

В чем Анжело никогда нельзя было упрекнуть, так это в медлительности. Я был всего в шаге от них, но прежде чем смог поймать его, он успел-таки нанести один смачный удар. К нам со всех сторон двинулись вышибалы. Анжело отчаянно вырывался, пока я кое-как удерживал его на себе, а нецензурщины, которая лилась из его рта, было достаточно, чтобы со стен сошла краска.

Джонатан – он стоял,
прижимая к разбитой губе
салфетку – выглядел
торжествующим. Зак –
ошарашенным, а Джаред –
донельзя раздраженным. Как и
окружившие нас вышибалы.

– Мы уходим, – сказал я им,
пока они не вышвырнули нас
сами.

Анжело переключил свой
гнев с Джонатана на меня, и мне
едва удалось довести его до
дверей. Позади, подталкивая меня

в спину, шел Джаред, а в конце, продолжая ругаться, – Зак и Джонатан. Как только мы всей толпой вывалились на улицу, Анжело оттолкнул меня, но, вопреки моим ожиданиям, не набросился ни на меня, ни на Джонатана, а развернулся и зашагал вниз по улице – прочь от всех нас.

– Анжело, подожди! – крикнул Зак и пошел было за ним, но я успел поймать его за плечо и рывком возвратить на место – приложив, быть может,

немного больше силы, чем требовалось. Я слышал, как Джаред повторял: «Мэтт, не надо», но слушать его не стал. – Оставь его, – приказал я Заку. – Ты уже натворил достаточно.

– Разве ты не видишь, Зак? – сказал Джонатан. – Неужели, ты веришь, что...

Он умолк, когда я шагнул к нему. Я намеренно подошел слишком близко. Он был ниже, и заставить его отступить назад было легко. Нависая над ним, я

свирепо уставился на него.

– Лучше заткни свой
гребаный рот, или я сделаю это
сам. – Похоже, он был все-таки не
совсем тупым, потому что сделал,
как было велено. – Вы двое, – я по-
прежнему не отводил глаз от
Джонатана, но Зак с Джаредом
поняли, что я обращаюсь к ним, –
марш в гостиницу. – Когда Зак
начал протестовать, я сказал
коротко: – Я найду его. – Зак
вздыхнул, Джаред взял его за
руку, развернул кругом и повел за
собой к отелю. – А тебе, –

процедил я сквозь зубы, глядя на Джонатана сверху вниз, – я советую не ходить за ними.

Джонатан колебался. Я знал, он прикидывал, можно ли надавить на меня. К счастью для себя, он решил, что не стоит. Опустив голову, он сделал шаг назад.

– Ладно, – сказал он тихо. – Я не хотел причинять проблем.

– Чушь собачья. Хотел и еще как.

Секунду он смотрел на меня настороженными глазами, потом развернулся и вернулся в клуб.

Теперь мне предстояло разыскать Анжело.

В Лас-Вегасе.

Просто великолепно.

У меня была идея, куда он мог отправиться, и к счастью для себя я оказался прав. Анжело был у отеля «Белладжио». Фонтан не работал, и он, опершись о каменное ограждение, смотрел на

безмолвную гладь искусственного
озерца. На меня он даже не
обернулся

– Уходи, Мэтт.

Я знал, что он так скажет, но
уходить не стал, а положил локти
на ограду с ним рядом, и мы оба
стали смотреть на озеро – так
неотрывно, словно фонтан
работал. Я ждал, когда он
заговорит, и спустя несколько
минут он обреченно вздохнул.

– Ты все равно не отвяжешься,
да?

– Неа.

– Не хочу говорить об этом.

– Окей.

Но я знал его и неплохо.

Возможно, лучше него самого. И
стал ждать.

– Я не шучу, Мэтт! – сказал он

– на сей раз с большим нажимом.

– А что Мэтт? Я молчу.

Стараясь не улыбаться, я

снова принялся ждать. Я знал, он
вот-вот сломается. И наконец он

сказал:

– Ладно!

– Что «ладно»? – невинно спросил я.

– Ладно, я слушаю. Говори уже, блин, что ты там собирался сказать.

– Только одно, – сказал я. – Зак без ума от тебя.

– Ну конечно, – огрызнулся он. – То-то он начал обжиматься у меня на глазах со своим гребаным

бывшим.

Я ответил не сразу.

Подождал, пока его слова осядут на землю, покувыркаются там немного, и потом с сарказмом проговорил:

– О да, именно так все и было.

Он ссутулился, как если бы его в один миг покинули все необходимые для борьбы силы.

– Пошел ты, Мэтт, – сказал он устало.

– Анж. Хорошо вести себя, как придурок. Поговори со мной.

Я думал, он опять огрызнется, но он не стал. И даже задумался на несколько секунд перед ответом.

– Джонатан прав. Мне нечего предложить Заку. В отличие от него самого – с его дипломом из колледжа, карьерой, квартирой в Вегасе, крутой машиной и кучей денег.

– Откуда ты знаешь, что у него крутая машина? – спросил я,

думая, уж не пропустил ли я что-то.

Он закатил глаза.

– А какая еще? Бога ради, у него есть сезонный абонемент в долбаный театр.

– И что?

– И то, что я не могу с ним соперничать. Зачем Заку из нас двоих выбирать меня?

Я удивленно уставился на него.

– Мы ведь об одном и том же Заке говорим, верно? Который на дух не переносит мюзиклы, считает «Сыграй мне перед смертью» киношедевром и смотрит фильмы только со счастливым концом? – Тут он наконец улыбнулся. Чуть-чуть. – Думаешь, Заку хоть сколько-нибудь важен этот чертов театр? Или квартира в Вегасе? Или даже деньги?

Крошечная пауза, а потом:

– Нет.

– Тогда в чем проблема?

Он вздохнул. Затем с обреченностью в голосе тихо проговорил:

– Просто когда я смотрю на него, то понимаю, что именно с таким парнем и стоит быть Заку. Я вижу парня, которого он заслуживает.

– Ты думаешь, он заслуживает Джонатана?

– Я думаю, он заслуживает кого-то получше, чем я.

– А знаешь, что вижу я, когда смотрю на Джонатана? – спросил я.

– Парня, который тратит слишком много денег на обувь?

Я проглотил смешок, чтобы он знал: я говорю серьезно.

– Я вижу парня, которым Зак дорожил не настолько сильно, чтобы за него побороться.

Он опустил голову, но ничего не ответил.

– Идем. – Я взял его за плечо.

– Вернемся в гостиницу.

Он мотнул головой.

– Не могу пока.

– Знаешь, Зак, наверное, от волнения места себе находит.

– Знаю.

– Ты пытаешься наказать его?
Если да, то поступать так довольно-таки дерьмово.

– Дело не в этом.

– А в чем?

– Просто я пока не могу, Мэтт,

– ответил он тихо.

– Ладно. – Конечно, я знал, что временами он испытывал потребность побыть в одиночестве. Он не один и не два раза ночевал у нас на диване, когда хотел побыть отдельно от Зака. Но потом я подумал о всех тех мужчинах из клуба, об их руках на нем и о том, как он жил раньше. – Только не делай глупостей.

Он не посмотрел на меня, но я знал: он понял, о чем я прошу. Не спать сгоряча с первым встречным.

– Не буду, – сказал он. Я не видел его лицо и не знал, серьезно он или нет. Но ничего больше я сделать не мог.

В одиночестве я добрал до отеля.

Поднявшись в номер, я обнаружил, что Джаред уже переоделся в пару обычных треников. Его непослушные

волосы выбились из хвостика и торчали во все стороны. Мне немедленно захотелось тоже избавиться от костюма и запустить в его кудри пальцы, но он не дал не такой возможности.

– Где тебя черти носят? – сказал он, как только я переступил порог.

– Я просто...

– Не смей вот так отсылать меня в номер! – сказал он еще громче, двигаясь мне навстречу.

– Джаред, я...

– Что дальше? Посадишь
меня под домашний арест?

– Нет...

– Я говорил тебе, не надо
ходить в тот клуб! – Он был уже
всего в одном шаге.

– Знаю...

– Вот никогда ты меня не
слушаешь!

– Извини меня...

В следующее мгновение он уже целовал меня, обвивая мою шею руками. Переход был таким молниеносным – только что он выговаривал мне, а через миг, отрывая пуговицы, сдирал с моих плеч рубашку, – что мне потребовалась секунда, чтобы опомниться. Он расстегнул мои брюки. Они были свободнее джинсов и потому легко соскользнули к полу.

– Джаред... – Но он опять оборвал меня.

– Заткнись, Мэтт.

Он толкнул меня на кровать. Такая агрессивность была совсем не в его характере, но возражать я точно не собирался. Усевшись поперек моих бедер, он снял штаны. Мы уже давно перестали пользоваться презервативами. Выдавив себе на ладонь немного смазки, он взял головку моего члена в кулак. Потом, улыбаясь, совсем чуть-чуть сжал ее. Он знал, я не выдержу и сразу втолкнусь ему в руку.

– О, боже, – простонал я, когда его скользкий кулак заходил по моему стволу. Его улыбка стала еще шире.

– Подожди-ка. –

Переместившись выше, Джаред оседлал мои бедра, и вот тогда до меня дошло, что он задумал.

– Джаред...

– Заткнись, Мэтт, – повторил он. А потом опустился на меня сверху, и я сразу оставил попытки протестовать. Честно говоря, я успел забыть, насколько это

приятно, быть у него внутри. Я забыл ощущение тесноты и жара, забыл интенсивность этого ощущения. Такой секс случался между нами всего три раза – все три больше года назад, – но Джаред еще никогда не бывал, как сейчас, сверху. Это было потрясающе, и я немедленно понял, что долго не продержусь. Я ухватился за его бедра и ощутил, как под моими ладонями перекачиваются твердые, мощные, закаленные мускулы, пока он то поднимался, то

опускался, сидя на мне верхом.

Его руки легли ко мне на живот. Пальцы начали ласкать линию волосков, следующую от моего пупка вниз. Во время секса он закрывал глаза, но я знал, как сильно ему нравится чувствовать мою грудь, мой живот и ту дорожку волос, которой он с самого начала был одержим. Он двигался медленно, и смотреть на его лицо было блаженством. Его глаза были закрыты, а губы слегка раздвинуты. Я любил наблюдать за его лицом, когда он

был охвачен страстью.

Смазка еще была на постели, и я, выдавив на ладонь немного, сделал то, что недавно делал он для меня – зажал его головку в кулак и, когда он приподнялся, позволил его члену пройти в тисках своей ладони вверх. Он даже сбился с ритма. На секунду застыл на самом кончике моего члена и со своим членом в моей руке, а потом застонал – как же мне нравилось в такие моменты смотреть на его лицо – и опять начал двигаться, уже быстрее,

чем раньше.

Наблюдая за ним, я из последних сил сдерживался, чтобы не кончить. Он ускорялся, насаживая себя на меня все сильнее и чаще, и, когда мой член достигал самой глубокой точки внутри, тихо постанывал. Мои же стоны были довольно громкими. Да еще кровать скрипела, как сумасшедшая, и билась спинкой о стену. Но по счастью мы были в Вегасе, и можно было не волноваться, что на нас станут жаловаться. Когда

его движения стали почти неистовыми, я понял, что он уже близко. Продолжая ласкать его, я старался попадать в его ритм, пусть он и стал совсем неровным и лихорадочным.

Я сжал его крепче, и его глаза распахнулись. На секунду его взгляд замкнулся на моих глазах, затем соскользнул к груди, к животу и ниже. Он посмотрел на мою руку, ласкающую его член, и из его горла вырвался низкий стон.

Я знал этот звук. Я знал, что сейчас он кончит. Он запрокинул голову, взялся позади себя за мои бедра, выгнул спину и, вскрикнув, кончил так мощно, что первая струя шлепнулась мне на плечо. Я наконец перестал бороться со своей собственной кульминацией, и если люди из соседнего номера пропустили стук кровати о стенку, то меня они слышали точно.

Когда ко мне вернулась способность думать, я открыл глаза и увидел, что он,

поглядывая на меня, усмехается.

– Мы можем сделать это еще раз? – спросил он игриво, в точности повторив то, что я сказал ему после нашего первого секса.

Я рассмеялся и подыграл ему.

– Что, прямо сейчас?

– Господи, нет. В смысле, когда ты снова сможешь пошевелиться.

И тут я понял, что впервые

после такого секса не почувствовал себя странно. Да, формально активную роль выполнял я, но он ни в коем случае не был мне подчинен. Почему-то это возымело решающее значение.

Я протянул руку и захватил пригоршню его волос, а он позволил мне притянуть себя вниз. Я остановился ровно за момент до того, как его губы должны были коснуться моих.

– Я люблю тебя, – проговорил

я. Мне нравилось наблюдать за тем, каким становилось его лицо, когда я признавался ему в любви. Он всегда реагировал одинаково: его глаза закрывались, он склонял голову набок и немножечко улыбался. Словно где-то в глубинах его души хранилась маленькая коробочка с дорогими ему моментами, и всякий раз, когда я говорил ему о своих чувствах, он на миг прикрывал глаза, чтобы спрятать мои слова в то секретное место.

Его глаза снова открылись, и

он улыбнулся мне.

– Я полюбил тебя первым.

Я непроизвольно
расхохотался.

– А это-то здесь при чем?

– Это значит, я выиграл.

– Хорошо, – согласился я и
поцеловал его. – Ты выиграл.

Он сходил в ванную и принес
полотенце, чтобы я мог вытереть
то, что он оставил у меня на
животе и груди. На мне все еще

были ботинки, а вокруг щиколоток болтались брюки, и, пока я снимал их, мне стало смешно.

– Не мог сначала дать мне раздеться?

– Ты что это, жалуешься? – шутливо спросил он, забираясь в кровать.

– Ничуть, – ответил я, ложась ему за спину.

– По крайней мере, ты бодрствовал, – поддразнил меня

ОН.

– О, теперь *ты* жалуешься?

Я не видел его лицо, но знал, что он улыбается.

– Ницуть.

Убрав его волосы так, чтобы они не щекотали мне нос, я начал водить кончиком пальца по светлым веснушкам, покрывающим его плечи.

– Так ты скажешь мне или нет? – через пару минут спросил

ОН.

Я ответил не сразу. Мы с Джаредом почти всегда сходились во мнениях, но единственным, в чем мы точно не совпадали, было отношение к Заку и Анжело. Анжело был мне как брат. Я любил его, но знал, что Джаред от него в общем-то не в восторге. После новогодней вечеринки Джаред стал вести себя с ним заметно прохладнее, но когда я спросил Джареда, что случилось, он не ответил. Я знал, почему. Со своим до крайности

неконфликтным характером он не хотел ставить меня в положение, при котором мне пришлось бы выбирать чью-то сторону. И мы, не сговариваясь, вообще перестали их обсуждать. Но теперь он спросил меня, и я был должен ответить.

Тщательно подбирая слова, чтобы не обвинять ни одну из сторон, я сказал:

– Анжело считает, будто он недостоин Зака.

– А ты считаешь, будто Зак

недостойн Анжело.

Это был не вопрос.

– Я думаю, что иногда Зак не думает о том, что нужно Анжело.

Повисла тишина. Я знал: он не согласен, а молчит, потому что не хочет спорить.

– Говори. – Я легонько ткнул его в ребра, и он вздохнул.

– Я не знаю, как ты можешь так говорить. Все ровным счетом наоборот. Зак только об Анже и

думает. – Я понимал, о чем он, и гадал, можем ли мы оба быть правы. – Что бы Зак ни делал, этого всегда недостаточно. По-твоему, Анж много думал о Заке, когда танцевал там?

– Зак вроде не возражал.

– То есть, самому Анжело можно все, но если кто-то посмотрит на Зака, надо срочно слетать с катушек? По-твоему, это честно?

– Джонатан не «кто-то», а бывший бойфренд. И он не

просто «смотрел» на Зака, он целовал его. Поэтому да, я считаю, Анжело имел полное право злиться.

– Как и Зак.

Что тут сказать? Если я сам ни при каких условиях не смог бы сидеть и смотреть, как чужие руки трогают Джареда. Но когда те мужчины трогали Анжа, Зак не моргнул и глазом.

– Они другие. Не такие, как мы, – сказал я скорее себе, чем ему.

– Ну прямо открытие года,
Бэтмен.

Он начал раздражаться, и я
поцеловал его в веснушчатое
плечо.

– Ты был прав, – промолвил я
мягко, пытаюсь сделать так, чтобы
он вновь расслабился. – Зря мы
пошли в тот клуб.

– Естественно, я был прав, –
сказал он, но уже без резкости в
голосе. Он игриво ткнул меня
локтем под ребра. – А ну-ка
повтори это снова.

Я рассмеялся, и моя ладонь, соскользнув вниз, легла ему на живот.

– Ты был прав, – тихо прошептал я ему на ухо, и он улыбнулся. – А знаешь, что еще?

– Что?

– Если я когда-нибудь увижу, как ты танцуешь с другим, то спячу.

– Если ты когда-нибудь увидишь, что я *просто танцую*, значит, я пьян до такой степени,

что меня пора уводить домой. –
Несколько минут мы лежали и,
удовлетворенные, просто
молчали. Я отпустил свою руку
блуждать по его телу. Я изучил
его всего наизусть: текстуру кожи,
гладкую поверхность плоского
живота, изгиб бедер, крепкие
мускулы его ног. Мои пальцы
рисовали линии по его
веснушкам, очерчивали знакомые
контуры его плоти. Он вздохнул,
расслабляясь возле меня. – Как
думаешь, у них все наладится?

– Очень на то надеюсь,

иначе...

– Что?

– Иначе нас ждет та еще поездка домой.

Глава 5

Анжело

Я остаюсь на улице еще на пару часов. От «Белладжио», правда, не ухожу. Я знаю, о чем думал Мэтт, но искать

приключений не собираюсь.
Сделать все еще хуже – это
последнее, что мне хочется.

Несмотря на все сказанное
Мэттом, я знаю – Джонатан прав.
Что я могу предложить Заку? У
них у всех есть дипломы.
Нормальная работа. У меня же,
блин, нету даже бумажки об
окончании школы. Я до конца
жизни буду работать на Зака или
раскладывать по пакетам чужие
покупки. Как и сказал Джонатан.

Ну, а то, что он называл меня

легкодоступной задницей... Так раньше правдой было и это. С тех пор прошло несколько лет, но я знаю, кто я. И кем я был. И что до Зака парни хотели от меня только секса. Я пытаюсь сказать себе, что я изменился, ведь теперь у меня есть Зак, и Джаред, и Мэтт. Но правда ли это? У меня нет ответа.

Я знаю, что должен вернуться. Я знаю, Зак от беспокойства сходит с ума. Просто мне нужно прийти в себя. И я стою и смотрю на фонтаны, пока, наконец, не решаю, что

могу снова показаться ему на глаза.

Как только я открываю дверь, мне становится ясно, что за все это время Зак не присел ни на минуту. На его лице облегчение, и мне становится только хуже. Лучше бы он был в ярости, злился на меня. Насколько было бы проще, если б мы как следует проорались, а потом упали на пол и оттрахали друг дружку до потери пульса. Разве не так это должно работать?

Не успеваю я сделать и пары шагов, как он оказывается рядом и заворачивает меня в объятия.

– Прости меня, Анж.

– Ты меня тоже.

– Я не хотел, чтобы все так вышло.

– Не мог смотреть, как он тебя трогает, Зак.

– Этого больше не повторится.

– Злишься за то, что я

танцевал?

– Нисколько.

– Это ничего не значит, Зак. Я просто дурачился.

– Я знаю. Это я во всем виноват. Если бы Джонатан не поцеловал меня...

– Я убью его нахер, если он снова к тебе притронется.

– Этого не будет.

– Прости, что я так долго не приходил.

– Тебе надо было побыть одному. Я понимаю.

– Зак?

– Да?

– Заткнись и поцелуй меня.

Мгновение он колеблется, чего раньше с ним еще не бывало. Я пытаюсь понять, почему. Может, он думает, что мы должны побольше поговорить? Или по-настоящему злится? Или вспоминает о Джонатане? Но потом он берет в ладони мое

лицо, и его губы находят мой рот. Его язык скользит по моей нижней губе. Сколько бы он так ни делал, это по-прежнему всякий раз заводит меня.

Мы раздеваемся, и я толкаю его на кровать, а сам забираюсь сверху.

– Скажи, что ты хочешь, Зак, – прошу я.

Он поднимает взгляд, и я вижу, что моя просьба его тревожит. Обычно это он говорит мне такие слова.

– Я просто хочу тебя, Анж, – в замешательстве произносит он.

Он по-прежнему не понимает. Я целую его грудь, щекочу языком соски. Он возбужден, но еще колеблется.

– Зак, я сделаю для тебя все, – шепчу я. – Только скажи, что ты хочешь.

Он напрягается – и не в хорошем смысле, – и я понимаю, что делаю что-то не то. Однако не знаю, что именно.

– Анжело, почему?

– Потому что он прав, Зак.

Кроме этого, мне больше нечего дать тебе. Хотя бы позволь мне сделать это, как надо.

На его лице что-то вспыхивает – гнев? стыд? обида? – и не успеваю я опомниться, как он отталкивает меня. Так сильно, что я чуть не скатываюсь с кровати. Никогда еще я не видел его настолько рассерженным. Без единого слова он встает и переходит на другую кровать, а

там поворачивается ко мне спиной и до ушей накрывается одеялом.

– Зак? – бормочу я растерянно.

– Видимо, Анж, ты совсем низкого мнения обо мне, если считаешь, будто я с тобой исключительно ради секса. – Дотянувшись до ночника на тумбочке, он бьет по выключателю с такой силой, что лампа стучается о стену. Комната погружается в темноту.

– Зак... – пробую я позвать его
еще раз, но он не дает мне
закончить.

– Спокойной ночи, Анжело.

И я остаюсь лежать в
одиночестве на кровати, пытаюсь
понять, как я умудрился
настолько сильно все испоганить.

На следующее утро я, как

всегда, просыпаюсь рано. В любой другой день я бы перебрался в постель к Заку. Он притянул бы меня к себе, и мы бы подремали еще немного, нежась под одеялом, а потом я бы проснулся от того, что меня мягко укладывают на живот, с его тяжестью на спине, с его губами на шее, с его пальцами или членом меж моих ног.

В любой другой день. Но не сегодня.

Я думаю о том, что будет,

если я все равно лягу к нему. Если притворюсь, что ничего не случилось. Что он сделает? Обнимет меня, как раньше, и займется со мной любовью? Или повернется ко мне спиной? Выяснять ответ слишком страшно. В голове после вчерашнего каша, и, говоря по правде, я боюсь, что сделаю только хуже.

Мне надо уйти. Я одеваюсь. Нахожу в ящике карандаш и листок бумаги. Потом задумываюсь над тем, что же

сказать.

В конце концов я пишу вот что: «Проведи день с М. и Дж. Не волнуйся. Просто мне нужно немного времени.» Хочу приписать, что прошу у него прощения или – еще лучше – что я люблю его, но не могу. Бросаю записку на свою пустую кровать и выхожу из отеля.

Оказавшись на Стрипе, я понимаю, что не знаю, куда идти. Вчера мы пошли на юг, так что сегодня я поворачиваю на север. О

Заке я пока что не думаю. Я знаю, мысли о нем придут позже. А пока я просто пытаюсь снова нащупать внутри себя.

Это так странно – гулять по Вегасу в шесть утра. На улицах и туристов-то нет, не говоря уже о типах, что раздавали карточки с голыми женщинами. В тишине звуки рекламы, рвущиеся из колонок дрянных казино, кажутся слишком громкими. Повсюду валяются стаканчики и пустые бутылки. Магия этого места истончилась настолько, что, если

приглядеться, можно различить все скрывающееся под нею дерьмо и ложь.

Я все иду, иду, иду и в итоге оказываюсь у отеля «Венеция». Останавливаюсь, потому что даже сейчас, в резком утреннем свете, он выглядит безмятежно. И он прекрасен. Магия здесь сильнее. Я захожу внутрь через ведущие к магазинам двери и, сделав несколько шагов, задираю голову вверх. И замираю на месте.

Потолок потрясающий.

Сплошь увешан картинами:
всеми сортами картин в
замысловатых золотых рамах. Я
понятия не имею, на что это
должно быть похоже – на
Сикстинскую капеллу или на что-
то еще, – но он прекрасен. Жаль,
Зак не видит всего этого
великолепия. Никогда даже не
думал о том, чтобы слетать в
Европу, но внезапно мне дико
хочется оказаться там прямо
сейчас. Ну не бред ли – то, что
Город Греха вызывает у меня
такие желания? Долго-долго я

просто стою и пялюсь в потолок. Затем наконец двигаю дальше, глаза по сторонам. Магазины закрыты, и я рассматриваю витрины, где выставлена чужая жизнь. Шарфы по пятьсот и костюмы по пять тысяч долларов. Шелковые галстуки и художественно разорванные джинсы, в которых я бы не позволил себе даже сесть. Все это ничуть не улучшает мне настроение.

В паре ресторанов подают завтраки, и пока я раздумываю, не

выпить ли кофе, у меня звонит сотовый. Это, ясное дело, Мэтт. Можно было и догадаться. Зак с Джаредом наверняка проспят минимум до девяти. Или до десяти. И как я не подумал, что Мэтт станет меня искать?

– Ты где, черт бы тебя побрал? – рявкает он.

– В «Венеции».

– Стой там. Я сейчас буду.

– У меня есть выбор?

– Нет. – Я знал, что он так скажет. – Я заходил к тебе в номер...

– Да? – спрашиваю я, когда он не договаривает.

– Зак выглядит препаршиво. Он очень расстроен.

Черт. Прямо сейчас я не могу говорить об этом.

– Не расскажешь что-нибудь, чего я еще не знаю?

Он вздыхает, потом говорит –

помягче:

– Есть хочешь?

– Я не стану обсуждать Зака.

– Окей.

– И ничего из вчерашнего

тоже.

– Окей.

– Да.

– Что «да»?

– Да, я бы что-нибудь съел.

– Ты можешь хотя бы раз не усложнять все до крайности?

– Возможно, – говорю ему я, – но не сегодня точно.

Мы договариваемся, где встретиться, потом находим заведение с завтраками. Мэтт держится молодцом, о Заке и не упоминает и только потом, когда мы уже поели, говорит:

– Джаред хотел сходить сегодня на шоу. Зак, наверное, пойдет вместе с ним.

– А ты?

– Если ты не идешь, то и я идти не обязан.

– И чем мы тогда займемся?

– А чем тебе хочется?

– Здесь есть еще горки?

Он усмехается.

– В «Стратосфере». Горки там так себе, но есть пара других аттракционов.

– Хороших?

– Будешь визжать, как
пятилетняя девочка.

Я почти улыбаюсь.

– Поглядим, крутыш.

И хотелось бы сказать, что мы
хорошо провели время, но правда
в том, что весь день компания из
меня никакая. Я не могу перестать
волноваться о Заке, о том, злится
он еще или нет. Все думаю о
Джонатане и о его словах. Что
случилось после того, как я ушел?
Вдруг он явился к Заку? Вдруг Зак
осознал, что Джонатан прав? Я

представляю, как возвращаюсь в отель, а Зака там нет. Есть только записка на кровати с сообщением, куда он ушел. Я представляю, как они мирятся, ложатся в постель и начинают заниматься любовью. Я представляю, как возвращаюсь в Коду один. В глубине души я понимаю, что все эти мысли – бред, но мой разум упорно продолжает генерировать худшие сценарии из возможных.

Мэтт будто чертов святой.

Весь день я на него срываюсь, а он продолжает оставаться собой.

Иногда пытается подбодрить меня, иногда просто оставляет меня в покое и не мешает хандрить. Спустя несколько часов и пару наших воплей на аттракционах он наконец-таки говорит:

– Нам лучше вернуться. А то они потеряют нас.

– Я знаю.

Мы начинаем идти, и, чем ближе подходим к отелю, тем молчаливей я становлюсь. С каждым шагом узел страха у меня

в животе тяжелеет. Мэтт поглядывает на меня краем глаза.

– Ты точно не хочешь поговорить? – в конце концов произносит он.

– Точно.

– И даже не скажешь, что произошло вчера ночью?

– Нет.

– Ладно. – Полквартала он молчит, затем спрашивает: – Вы с Заком поссорились?

– Типа того.

– И расстались?

– Нет.

Еще пара минут молчания, а

потом:

– Ты ведь не наделал вчера
глупостей?

Наделал, но не таких, на
которые намекает он.

– Нет.

– Тогда что...

– Мэтт, я же сказал. Не хочу это обсуждать.

– Окей. – Мы проходим еще квартал. – Хочешь, скажу одну вещь?

– Нет, но ты ведь все равно скажешь.

– Джаред как-то раз сказал, что у него внутри есть компас, но вместо севера он показывает на запад.

– Неудивительно, что заблудиться для него – как два

пальца.

– У Зака тоже есть внутри компас. И знаешь, куда он показывает?

– На ларек с тайской едой?

– На тебя.

– И это типа должно что-то значить?

– Типа да. – Он отвечает мне подзатыльник – довольно чувствительный, но признаваться в этом я не намерен, – затем

усмехается. – Вытащи голову из задницы – и увидишь.

Я немного нервничаю, когда захожу в наш номер. Снаружи еще светло, но занавески задернуты, и в комнате полумрак. Зак сидит на краю кровати и смотрит в телевизор. Но я его знаю. Он не видит, что на экране.

Он не поворачивается ко мне,

не говорит ничего, и я тоже молчу. Снимаю пальто и ботинки. Сажусь на кровать и смотрю в пол. Может, кто-нибудь оставил там для меня шпаргалки с правильными словами? Но нет. Краем глаза Зак наблюдает за мной – как мышь наблюдает за кошкой. Ждет, что я сделаю: цапну его или просто унесусь прочь.

Мы и раньше, бывало, ссорились, но первый шаг к примирению всегда делал Зак. Он подходил ко мне и садился

передо мной на корточки.
Опускал голову мне на колени,
говорил, как сильно он меня
любит, и на этом ссора обычно
заканчивалась. Но на сей раз
яснее ясного, что гребаный
первый шаг предстоит сделать
мне.

Сделав глубокий вздох, я
встаю напротив него. Он
поднимает взгляд –
настороженный, готовый к новой
атаке. Черт, если б я знал, что
сказать. Инстинкт толкает меня к
нападению, понуждает обвинить

его в том, что он притащил нас в Вегас, что устроил тот идиотский ужин с Джонатаном. Я бы мог обвинить его в том, что он поцеловал своего бывшего, или в том, что не спорил, когда Джонатан назвал меня легкодоступной задницей. Я бы мог сказать столько всего, что обидело бы его или взбесило. Такие вещи я делать умею.

А исправлять свои ошибки – нет. Мне хочется просто прикоснуться к нему. Убедиться, что он не оттолкнет меня. Я

заставляю себя протянуть руку и погружаюсь пальцами в его волосы. Моя ладонь ложится ему на щеку. Он напрягается. Сжимает челюсти и закрывает глаза, словно мои прикосновения для него невыносимы. И это ранит так, что не передать словами. Так стягивает мне грудь, что я не могу дышать.

– Зак? – Я едва слышу свой срывающийся, дрожащий голос. Я хочу, как он раньше, опуститься на пол и положить голову ему на колени. Но я знаю, что если

сделаю так, то не выдержу и разревусь как младенец. – Зак, скажи мне, что делать. Потому что я понятия не имею, как все исправить.

Секунду мне кажется, что ответа я не дождусь. Он просто сидит, глаза крепко зажмурены, и не двигается. Потом вздыхает, и напряжение в нем отчасти ослабевает. Моя рука еще лежит на его щеке. Он накрывает ее своей, поворачивается к ней и покрывает поцелуями мои пальцы.

– Вот уже во второй раз, – говорит он тихо, губы задевают мою ладонь. На меня он не смотрит. – Во второй раз ты намекаешь, что кроме секса тебе нечего дать мне. – Первый раз был несколько месяцев назад. Дома, в день, когда я сломался и позвонил своей матери. В день, когда я признался ему в любви. Его и тогда это расстроило, но не так, как сейчас. – Ты разбиваешь мне сердце, Анжело. Разве ты не знаешь, как много для меня значишь? Разве не знаешь, как

сильно я люблю тебя? Ведь если нет... – Голос обрывается, но он поднимает голову, и по глазам я вижу: ему так же плохо, как мне. – То я не знаю, что еще сделать. Я не знаю, как сделать так, чтобы ты мне поверил.

Прямо сейчас мне безразлично, верю я или нет. Мне нужно одно: вернуться к тому, что у нас было. Я хочу снова просыпаться в ночи и перебираться к нему в постель. Я хочу снова заниматься с ним по утрам любовью. Я хочу знать, что

завтра он снова захочет
почувствовать прикосновение
моих рук.

– Я не могу, когда ты на меня
злишься, – шепчу я.

– А я не могу, когда я злюсь на
тебя. – Он поднимается на ноги.
Подходит вплотную, но не
притрагивается ко мне. –
Пообещай, что никогда больше
так говорить не будешь.

Я все равно считаю, что прав.
Я не знаю, то ли он обманывает
себя, то ли лжет мне, просто

чтобы утешить. Но мне плевать.
Если он не хочет, чтобы я
произносил это вслух, я не буду.

– Обещаю, – говорю я.

– Хорошо. – Сказав это, он
крепко прижимает меня к себе и
целует. Я знаю, прошло не так уж
и много времени – меньше дня, –
но ощущение такое, будто он не
целовал меня целую вечность.

Обнимая меня, он тянет меня
к кровати. Его ладонь проникает
мне под одежду, скользит по
моей спине. Я начинаю

расстегивать его брюки, но он меня останавливает.

– Без секса, Анж. Мне просто хочется к тебе прикасаться.

Я знаю, это его «без секса» вызвано желанием утвердить свое мнение, однако не возражаю. Мы раздеваем друг друга. Он целует мои глаза, мои щеки. Его ладони ниже талии не заходят, но поглаживают мой живот, спину и руки. Они такие мягкие, и он так со мной нежен. И я по новой осознаю, как это приятно – когда

он меня ласкает. А потом он укладывает меня в постель. Я прячу лицо у него на груди и пытаюсь проглотить ком в горле.

Его ладонь скользит по моей спине и замирает у шеи. Его голос – тихий и осторожный, точно он боится спугнуть меня.

– Анжело, поговори со мной. Я не смогу ничего исправить, пока ты не скажешь, что тебя мучает.

Я знаю точно, какие слова мне хочется произнести. Они всегда

давались мне нелегко, но на сей раз я глубоко вдыхаю и вместе с воздухом выталкиваю их из своей груди, и они обретают форму.

– Зак, я так сильно тебя люблю. – Признание звучит совсем тихо, но по тому, как он задерживает дыхание, я понимаю, что он меня слышит. А потом я говорю еще кое-что. То, что и не планировал. – Пожалуйста, не бросай меня.

Момент – крошечный миг – он впитывает мои слова. А потом

вокруг меня обвиваются его руки, и он стискивает меня так крепко, что не вздохнуть. Я больше не могу сдерживать слезы.

Ненавижу то, что всегда перед ним плачу, но он делает вид, что не замечает. Целует меня в лоб и говорит ласковым голосом:

– Анжело, я не понимаю, как ты можешь быть таким умным и таким до ужаса глупым одновременно.

– В смысле?

– Неужели ты до сих пор не

понял? Никто и ничто на свете не заставит меня тебя бросить. Ты – вся моя жизнь, ангел. И мне нравится все, как есть.

Страх, который сидел у меня внутри целый день, чуть-чуть отступает, но ком в горле становится еще больше. Перед ответом я набираюсь сил, чтобы удержать свой голос от дрожи.

– В нем – все, чего нет во мне.

– Но ты – все, чего я хочу,

Анжело. *Ты*. А не он.

Я – все, что он хочет? Я?

Недоучка, которому нечего предложить? Я пытаюсь ему поверить. Пытаюсь понять, как он мог выбрать меня.

– Меньше чем через час здесь будут Мэтт с Джаредом, – говорит он мягко. Он знает, я не хочу, чтобы они увидели меня в таком расклеенном состоянии. Ни за что на свете я не покажусь им таким. Зак легонько тормозит меня. – Идем. Примем душ. – Он так хорошо меня знает.

– Окей, – только и могу
вымолвить я.

Я позволяю ему поднять себя
с кровати и увести в ванную. Он
включает душ, мягко затягивает
меня в кабинку и, встав за моей
спиной, обнимает, а я закрываю
глаза и, откинувшись на него,
пытаюсь отпустить все плохое.
Пытаюсь смыть потоком горячей
воды весь свой гнев и все свои
слезы.

Я не знаю, сколько времени
мы вот так стоим. Вскоре его руки

приходят в движение. Он моет мне спину, затем его ладони переходят вперед. Плавно движутся по моей груди, по животу, между ног. В следующее мгновение он разворачивает меня, прижимает к стенке. Мои глаза закрыты. Я позволяю ему вести. Ощутив на животе его губы, я понимаю, что он опустился передо мной на колени. А потом его язык касается щелки на моем члене, и мне, чтоб устоять на ногах, приходится ухватить Зака за плечи.

Он сказал «без секса», и я не знаю, должен ли остановить его. Я правда не знаю, правильно ли не мешать ему и честно ли желать большего. Но вот вокруг меня смыкаются его губы, и я прекращаю думать. Совсем. Впервые с момента, как я сегодня открыл глаза, мое сознание отключается, и наступает блаженное облегчение. Нет ни страха, ни тревог, ни стыда. Нет нелепых сценариев, которые, будто плохое кино, проигрывались у меня в голове.

Все растворяется в потоке
безмолвного, чувственного
забвения. Есть только я и он – и
чистое физическое наслаждение.

Спиной я ощущаю холодную,
гладкую поверхность кафельной
плитки, а грудью – обжигающие
струи воды. Мои пальцы
запутались в его густых
каштановых волосах, его рот –
такой теплый, сладкий. Дающий.
Как и сам Зак. Одна его рука
проникает меж моих бедер, а
потом я чувствую, как его
влажные, скользкие от мыла

пальцы потирают мой вход.

Я издаю тихий стон, и это изумляет его настолько, что он даже перестает сосать. Во время секса я обычно веду себя не особенно шумно. Не знаю, почему. И не замечал до тех пор, пока Зак не сказал мне. Но я знаю, как ему это нравится – когда что-то непроизвольно соскальзывает с моих губ. Низким, хрипловатым голосом он просит:

– Боже, Анж, еще раз, пожалуйста.

Я даже не успеваю понять
смысл его слов. Как только он
произносит их, его рот снова
забирает меня до конца, а пальцы
проталкиваются внутрь – совсем
неглубоко, легчайшим из
проникновений. Он знает, этого
мало, но продолжает сосать,
продолжает двигаться во мне
самым кончиком пальца, дразня
меня до тех пор, пока я, сжимая в
кулаках его волосы, не шепчу,
задыхаясь:

– Зак. Еще.

– Все, что пожелаешь, ангел, – отвечает он тихо, и его рот снова на мне, а пальцы медленно проскальзывают внутрь. Это настолько приятно, что у меня снова вырывается стон, и у него тоже. Его пальцы массируют меня, язык кружит по головке моего члена, щекоча точку прямо под щелкой. Не выдержав, я стискиваю его волосы и, пока его пальцы вторгаются глубже, насаживаю на себя до конца. А потом он касается того удивительно чувствительного

места внутри – и все. Я кончаю и на этот раз даже вскрикиваю. Кажется. Я не уверен. Я знаю только то, что я полон им. Чувствую только эту бездумную, удивительную разрядку. Он позволяет мне удерживать себя так, чтобы мой член оставался максимально глубоко у него во рту, от начала и до конца.

Он никогда не перестает давать.

Еще дрожа после кульминации, я задумываюсь над

этим. Он всегда дает. Неужели и я даю ему что-то? Возможно ли, что *позволяя* ему давать, я тем самым даю в ответ? Хотел бы я знать...

Я чувствую, как он встает, а потом по обе стороны моего лица ложатся его мягкие руки.

– Анж? – Я открываю глаза и вижу в его невероятно голубых глазах беспокойство. Но еще я вижу в них, как сильно я ему дорог. – Анж, пожалуйста, скажи, что у нас все нормально.

Мы так сильно любим друг друга. С чего я стал думать, что этого недостаточно? Я обнимаю его за шею и притягиваю к себе, чтобы он поцеловал меня.

– Зак, – говорю я, – у нас все идеально.

Мы ужинаем с Мэттом и Джаредом. Поначалу все идет очень неловко. Они ходят на

цыпочках, искоса поглядывают на нас, явно опасаясь, что в любой момент мы снова начнем ругаться. Но довольно скоро понимают, что все нормально. Мы скорее опозорим их тем, что прямо в ресторане начнем срывать друг с друга одежду, чем дракой. Так что ужин заканчивается хорошо.

Мы возвращаемся обратно в гостиницу, и там, в ближайшем к лифтам баре, видим Джонатана. Он явно поджидает нас. Когда он подходит, мы останавливаемся. Я

стопроцентно не рад его видеть, а вот наблюдать синяк, которым я украсил его левую щеку, очень даже приятно. И все же я не могу поверить, что он опять к нам приперся, и надеюсь, как черт знает кто, что он не выкинет ничего такого, что снова испортит то, что есть у нас с Заком.

Словно прочитав мои мысли, он говорит:

– Я здесь не затем, чтобы причинять неприятности. – Я думаю, он все равно причинит их

– хочет он того или нет – и пытаюсь удержать свою ярость в узде. Зак становится впереди меня – чтобы защитить меня или Джонатана, я не знаю. – Я надеялся, что смогу переговорить с тобой, – говорит он Заку.

– Мне нечего сказать тебе, – холодно произносит Зак.

Собирается было пройти мимо, но Джонатан прикосновением ладони к груди останавливает его, что приводит меня в еще большее бешенство. Я

хочу крикнуть, чтобы он убрал от Зака свои чертовы руки, но не успеваю – Зак сам отбрасывает его ладонь.

– Не трогай меня!

Джонатан задет, однако не удивлен. Сдаваясь, он поднимает руки.

– Зак, серьезно. Прости. – Он протягивает Заку ладонь. – Я лишь хотел попрощаться.

Зак подозрительно оглядывает его, но через секунду

пожимает-таки ему руку.

– Прощай, Джонатан, – вот и все, что он произносит. А потом уходит. И не оглядывается.

Все это жестко, и мы с Мэттом и Джаредом остаемся стоять в типа как гробовой тишине. Первым Джонатан обращается к Джареду.

– Было очень приятно познакомиться. Надеюсь, я не сильно подпортил вам отпуск, – говорит он. Протягивает руку, и Джаред, естественно, улыбается и

пожимает ее.

– Знаешь, у меня в Финиксе есть приятель... – Мэтт стреляет в него смурным взглядом, но Джаред не реагирует. – Я, пожалуй, попрошу его с тобой созвониться.

На это Джонатан улыбается.

– Свидание вслепую? Я всегда за. – Он протягивает ладонь и Мэтту. Тот секунду колеблется, но в итоге все-таки ее пожимает.

А потом Джонатан

поворачивается ко мне. Я думаю, что меня он рукопожатием, скорее всего, не удостоит, но когда наши взгляды встречаются, вижу, что вчерашнего вызова в его глазах нет. Он выглядит усталым и настороженным. А потом говорит то, что изумляет меня до глубины души:

– Можно тебя на пару слов?

– И за каким хером мне это надо?

Он смотрит в пол и отвечает не сразу.

– Ни за каким, наверное, –
говорит он тихо. – Я не виню тебя
за то, что ты меня ненавидишь.
На твоём месте я испытывал бы
те же самые чувства. Но я был бы
очень признателен, если б ты
уделил мне всего минуту своего
времени. – Он говорит искренне.
Вроде бы. Плюс во мне
просыпается любопытство. –
Пожалуйста, – добавляет он.

– Ты хочешь поговорить со
мной просто потому, что
считаешь меня легкодоступной
задницей? – спрашиваю я.

Его щеки становятся ярко-
алыми.

– Нет.

– Будешь говорить, что я не
подхожу Заку?

– Нет.

– Будешь расписывать, как ты
достоин его больше, чем я?

– Нет.

– Да.

Вид у него становится

озадаченным.

– Да? В каком смысле? Что «да»?

– Да, я поговорю с тобой.

Джаред уходит к лифту, но Мэтт остается стоять на месте – рядом со мной. Я оглядываюсь на него, и он произносит:

– Я останусь.

– Мне не нужна нянька, – возражаю я, но нам обоим известно, что никаких гарантий

этим я не даю.

Мэтт усмехается, выгибая бровь.

– Поглядим, сорвиголова. –
Он отходит от нас в другой конец бара и садится за столик.

– Ладно, чувак. Я слушаю.
Чего тебе от меня надо?

К моему удивлению он переводит взгляд в пол. Секундой позже, когда он поднимает голову, я вижу в его глазах не осуждение и не враждебность, а

СТЫД.

– Я хочу попросить прощения за то... – он запинается, голос становится тише, – ...что наговорил тебе.

– За то, что сказал, будто я гожусь лишь на то, чтоб раскладывать по пакетам его покупки, или за то, что называл меня легкодоступной задницей? – спрашиваю я, и он морщится. Я рад. Желания упростать ему задачу у меня нет.

– За все, – отвечает он тихо, –

но особенно за второе. Я сказал ужасную вещь и надеюсь, что ты сможешь простить меня. Во мне говорила ревность. Я знаю, паршивое оправдание, но, если честно, другого у меня просто нет. – Мне даже становится немного не по себе, потому что я никак не ожидал, что он начнет извиняться. Я типа как хочу и дальше ненавидеть его, но теперь делать это сложнее. – Серьезно, – его голос становится совсем тихим, – обычно я...

Он не договаривает, и я

ПОДСКАЗЫВАЮ:

– Обычно ты не такой
ублюдский засранец?

Он улыбается мне. Чуть-чуть.

– Хотелось бы верить, что нет.

Бесит признавать это, но я
знаю, что скорее всего это правда.
Иначе Зак не стал бы тратить на
него столько времени.

– Не могу сказать, что дико
счастлив на тему того, что все
свое мудачество ты копил для

меня, – говорю я.

Он опять скованно мне улыбается.

– Я тоже не рад этому. И искренне прошу у тебя прощения, – повторяет он.

– Ладно. – Я не привык выслушивать извинения и не особо знаю, что теперь делать. – Проехали. – Сойдет, наверное, за прощальную реплику, однако Джонатан останавливает меня.

– Можно, я куплю тебе

выпить?

Я не могу удержаться от
подозрительного вопроса.

– Зачем?

Он пожимает плечами.

– Просто мне бы хотелось еще
немного поговорить с тобой.

Странно, блин, но что мне
терять?

Мы подсаживаемся к бару.
Себе он заказывает вино, а мне
берет пиво. Джонатан из тех, кто

обращает внимание на детали – даже не спрашивая, он заказывает мне пиво той же марки, что я пил тогда. С минуту мы просто сидим. Я уже начинаю гадать, какого хера я тут забыл, как внезапно он заговаривает:

– Знаешь, я ведь не хотел отпускать его.

– Насколько я слышал, ушел именно ты.

– Ты слышал правильно, – вздыхает он. – Я думал, что я вернусь. Вот почему я оставил

Гейшу, хоть и знал, что он ей не нравится. Я не предполагал, что уйду навсегда. – Он не смотрит на меня. Возится с салфеткой под бокалом вина, заворачивает уголки вокруг основания снова и снова, потом разглаживает и начинает по новой. – Я всего лишь пытался встряхнуть его. Я хотел, чтобы он взялся за себя, понимаешь? Бросил напиваться и накуриваться каждый вечер, и спать со всеми подряд. Я хотел, чтобы он повзрослел и перестал плыть по течению. – Он

останавливается и отпивает
немного вина. – Я думал, он
позвонит. Что он осознает: за нас
стоит бороться. Я все ждал и
ждал, но когда понял, что не
дождусь звонка, было уже поздно.
– Я не знаю, что и сказать, но,
быть может, он и не ждет от меня
никаких слов. Быть может, ему
просто надо выговориться кому-
то. И по какой-то причине этим
кем-то стал я.

– Но почему ты не позвонил
ему сам? – в конце концов
спрашиваю я. – Думаю, он

обрадовался бы, если бы ты
вернулся.

Он пожимает плечом.

– Потому что я не хотел
возвращаться, пока он не
изменится. И еще я боялся, что
если позвоню, то окажется, что
без меня ему лучше. Сейчас это
кажется глупым, но тогда... – Он
не заканчивает. – Все время, пока
мы были вместе, у меня было
ощущение, что он не знает, что
делать со своей жизнью. Словно у
его жизни не было ни смысла, ни

направления. Даже в постели он не знал, чего хочет.

Он замолкает, и я понимаю, что последние слова он хотел бы забрать назад.

– Единственное, чего Зак хочет в постели, это сделать приятно своему парню, – говорю я. Он по-прежнему на меня не смотрит, но я вижу: он обдумывает мои слова. – Ты считаешь, он не знал, чего хочет? На самом деле это значит, что он не мог понять, чего хочешь *ты*.

Минуту он молчит,
погрузившись в мысли. Потом
говорит:

– Знаешь, когда я увидел его
здесь, в Вегасе, то подумал: «Вот
он, тот Зак, которого я ждал».
Мне стало ясно, что у его жизни
наконец-таки появился смысл.
Что он обрел *направление*. – Он
замолкает на миг, а потом: – Но я
не сразу осознал, что смысл его
жизни – ты.

– Я?

Он удивленно оглядывает

меня.

– Зак никогда в жизни не давал себе труда за что-либо побороться. Ни за диплом. Ни за работу. Ни за меня. Но за тебя он готов бороться, тут у меня нет никаких сомнений.

И что самое безумное, я думаю, что он, кажется, прав.

В молчании мы допиваем наши напитки, после чего он встает и протягивает мне руку. Я пожимаю ее, и он улыбается.

– Надеюсь, если мы встретимся снова, то сможем начать все с чистого листа, Анжело. Хотелось бы верить, что в следующий раз оно будет лучше.

– Хуже не будет точно.

Тут он улыбается по-настоящему.

– Счастливо, Анжело.

Мэтт всю дорогу сидит в другом конце бара. Как только Джонатан уходит, он подходит ко

мне, и мы двигаем к лифтам.

– Ну и чего ему было нужно?

– спрашивает он.

Я не отвечаю. Мыслями я далеко. Я думаю о том, что сказал Джонатан: что я смысл Заковой жизни. Вспоминаю, что сказал мне недавно Зак: «Ты вся моя жизнь». Вспоминаю, что говорил Мэтт.

– Ты правда думаешь, что

Заков компас показывает на меня?

– спрашиваю я.

Вид у Мэтта на секунду становится удивленным, но потом он говорит:

– Так точно. Ты его север.

Больше мы, пока идем к нашим номерам, не разговариваем. Он как-то странно поглядывает на меня, пытается угадать, что творится у меня в голове, но я не готов рассказать ему. Я пока и сам не совсем это понимаю.

Вдруг одним своим присутствием я что-то даю Заку?

Может такое быть или нет?

Зайдя в номер, я вижу, что
Зак сидит на кровати, ждет меня.

Едва увидев его, я
останавливаюсь. Пытаюсь понять,
как задать вопрос, который
крутится у меня в голове.

Он подходит и за подбородок
приподнимает мое лицо, чтобы
заглянуть мне в глаза.

– Все хорошо? – спрашивает
он меня.

– Все прекрасно. – Он
всматривается в мое лицо,
пытаясь понять, говорю ли я
правду.

– Что хотел Джонатан?

– Ну, в основном извиниться.

На его лице появляется
облегчение. Одной рукой он
обнимает меня за талию. Вторая
рука все еще лежит на моей щеке.

– Он вовсе не плохой человек,
– произносит он мягко.

– Вчера я бы тебе не поверил,
– признаюсь я, – но сейчас,
наверное, соглашусь.

– Он извинился – и все?

– Еще сказал, что не хотел
отпускать тебя. Он думал, что он
вернется. Думал, ты позвонишь.
Потому-то он и оставил Гейшу.

На секунду его глаза
закрываются, и он делает
судорожный вдох. Я вижу, ему
больно немного – понять, что,
если б только он приложил
усилие, то у них был бы шанс. Но

затем он вновь открывает глаза и смотрит в мои, и с твердостью в голосе говорит:

– Я никогда не любил его так, как люблю тебя.

Он все всматривается в мои глаза, пытается что-то найти в них, а я все думаю, правда ли, что всю дорогу я, сам того не зная, что-то давал ему.

– Зак, я твой север?

Он моргает – непонимающе, потому что на первый взгляд

никакого смысла в моем вопросе, конечно, нет. Но потом с решительной искренностью отвечает:

– Ты мое все.

– Зак?

– Да?

– Заткнись и поцелуй меня.

На этот раз он не колеблется ни секунды. Его губы такие мягкие, и я понимаю, что у нас все будет в порядке. Через несколько

секунд он отстраняется. Смотрит на меня сверху вниз, словно у него на уме есть что-то еще.

– Что-то не так? – спрашиваю я.

– Нет. Ничего.

– Тогда что с тобой?

Он нервно улыбается мне.

– Хочешь, сходим куда-нибудь? Вдвоем. Только ты и я.

– Можно.

Зак вообще редко краснеет, но сейчас на его скулах вспыхивают ярко-красные пятна. Всего мгновение он колеблется, а потом задает тихий вопрос:

– Сделаешь для меня одну вещь?

– Смотря, какую, – отвечаю я.

Красные пятна на его скулах становятся еще ярче. Он достает что-то из кармана и протягивает мне – со страхом и одновременно с надеждой. Я опускаю взгляд на то, что лежит у него на ладони, и

смеюсь.

Карандаш для глаз.

– Это все? – спрашиваю я и вижу в его глазах и облегчение, и возбуждение.

– Я купил и лак для волос, – отвечает он, улыбаясь.

– Ты и впрямь все продумал, да?

Он толкает меня к стене.

Моей шеи касаются его губы, в задницу вжимается его пах. Его

голос хриплый и задыхающийся.

– Я хочу вернуться в тот клуб.

– Правда? – спрашиваю я с удивлением.

– Я хочу смотреть, как ты танцуешь. Я хочу смотреть, как все те мужчины пытаются сделать тебя своим. А потом, – он еще сильнее вжимается в меня, без сомнения возбуждаясь от одной только мысли об этом, – потом я хочу увести тебя обратно в отель и доказать себе, что ты мой.

Он трется о меня, его ладони
блуждают по мне, губы у моей
шеи становятся все настойчивей.

– Ты можешь отказаться, –
произносит он.

Я знаю. И именно поэтому не
отказываюсь.

Хоть я и давно этого не делал,
но еще помню, как. Я убираю
волосы по бокам назад, но
спереди ставлю торчком. Обвожу
черным глаза, размазываю цвет
по векам. Признаться, я рад, что
мне не придется показываться в

таком виде Мэтту. Он бы помер со смеху. Но для Зака я это сделаю. Когда я выхожу из ванной, Заковы глаза становятся огромными – ему нравится.

– Ну как? Не хуже твоего Зигги Стардаста? – спрашиваю я, улыбаясь.

– Лучше, – выдыхает он, и я смеюсь.

Чем хорош Вегас, так это тем, что на парня в макияже тут никто особого внимания не обращает. Мы выходим из отеля, ловим

такси и уезжаем в клуб. Там Зак находит табурет поближе к танцполу. А я иду к бару и заказываю два шота текилы. Бармен настороженно косится на меня, пока ставит стопки на стойку.

– Только чтоб сегодня без драк, – говорит он.

– Заметано. – Я хлопаю оба шота. – Еще мне нужен бокал вина. Есть у вас испанское красное?

Он смотрит на меня, как на

полного идиота. Может, я и есть идиот.

– А то, приятель.

Ну, попытаться в любом случае стоило.

– Тогда любое красное.

Я отношу бокал Заку, и он смотрит на меня такими глазами, что я готов опозориться перед барменом хоть еще десять раз. Он целует меня глубоким, медленным поцелуем, потом шепчет мне на ухо:

– Никакого секса.

– Я знаю.

Он улыбается мне.

– Развлекайся.

Вчера у меня не было времени найти себе нормальных партнеров – парней, которые пришли сюда с той же целью: без желания обязательно с кем-нибудь трахнуться, а просто для того, чтобы завестись. Сегодня я нахожу их: Татуированного с прошлого раза и еще двоих.

Оказывается, что танцевать для Зака – не то же самое, что танцевать для себя. Оно лучше. Мне нравится знать, что он на меня смотрит. Это самый мощный афродизиак в мире.

Я не позволяю им целовать себя, но один парень присасывается к моей шее так крепко, что я знаю – будет засос. Моя ладонь соскальзывает к его паху. Я обхватываю его член и большим пальцем растираю влажное пятно на головке. Пока он не говорит хриплым,

дразнящим голосом:

– Лучше остановись, если не хочешь испачкать руку. – Я смеюсь, и мы меняемся партнерами снова.

Одним глазом я посматриваю на Зака. Он дико обаятельно выглядит, и со стороны кажется, будто он здесь один. Время от времени кто-нибудь подходит поговорить с ним. Один тип даже покупает ему выпить. Зак флиртует немного, ноглядит всегда на меня. Он не подпускает

никого из них слишком близко. Я вижу, что один из парней ему симпатичен. С ним Зак флиртует больше, чем с остальными. Даже разрешает ему положить руку себе на поясницу. Парень наклоняется и шепчет что-то ему на ухо. Зак улыбается, но потом отвечает что-то и показывает на меня. Взгляд у парня, когда он поворачивается обратно к Заку, становится разочарованным, но невозможно не заметить, что он слегка впечатлен – на что Зак только сияет улыбкой.

В итоге я остаюсь танцевать с Татуированным. Вместе мы отходим к бару выпить еще по шоту.

– Ты с вон тем парнем? – Он кивает на Зака.

– Да. А что?

– Ничего. Просто.

– А ты с кем? – говорю я.

– С тем, кто оставил у тебя нашее засос, – отвечает он, улыбаясь. – Мы вместе уже пять

лет.

Невольно и я улыбаюсь.

– Круто, чувак.

Мы возвращаемся на танцпол, и он со спины обнимает меня. Его ладонь трет меня между ног, затем проскальзывает ко мне в карман. Пока он медленно ласкает меня, я завожу руку назад и сжимаю бугор у него в штанах. Закрываю глаза. Откидываю голову ему на плечо и плыву в ощущениях. Я думаю о парне, с которым танцую, и о его

партнере, который прямо сейчас
впивается в еще чью-то шею. Я
думаю о том, как они будут
заниматься сексом друг с другом,
когда вернутся домой. Я думаю о
Заке, и о том, как все это
возбуждает его. Не знаю, сколько
времени мы так танцуем, просто
лаская друг друга, но внезапно он
шепчет мне на ухо:

– Твой бойфренд хочет тебя.

Я смотрю на Зака, и он кивает
вглубь клуба, где находятся
туалеты.

– Ты вернешься? – кричит мне
Татуированный, когда я ухожу.

– Не знаю! – кричу я в ответ.

Зак ждет меня рядом с
танцполом, и мне хватает одного
взгляда, чтобы понять, насколько
он возбужден. Не только по
выпуклости в штанах.
Возбуждение горит у него в
глазах. Он обнимает меня,
прижимает к себе. Шепчет
прерывисто:

– Это невероятно, до чего
сильно я хочу тебя прямо сейчас.

– Вернемся в гостиницу? –
говорю я.

Но неожиданно для меня он
отказывается.

– Нет.

Он разворачивает меня и
подталкивает в сторону туалетов.
Я иду. Когда мы заходим внутрь,
он оказывается прямо сзади,
обнимает меня за талию, и я
чувствую поясницей его эрекцию.
В туалете несколько писсуаров,
возле которых стоят в линию
люди, и одна кабинка. Она

занята, и судя по звукам оттуда, внутри не один человек, а двое. Перед нами есть еще одна пара. Они обжимаются у стены, пока ждут своей очереди.

Заков голос у моего уха звучит рвано, отчаянно.

– Если у тебя с этим проблемы, Анж, мне нужно, чтобы ты дал мне знать прямо сейчас.

Мое сердце пускается вскачь, но больше от нервов, чем от возбуждения. Мы с Заком

занимались сексом по-всякому – иногда нежно, иногда грубо, – но он всегда в первую очередь думал о моих желаниях. Его первой мыслью всегда было доставить удовольствие мне. Сегодня он впервые сначала думает о себе. Я не особенно возбужден, но ни за что на свете не скажу ему «нет».

– Проблем нет, – отвечаю я.

Он вытаскивает бумажник и говорит парням перед нами:

– Пятьдесят баксов, если пропустите нас вперед.

Те переглядываются.

Пожимают плечами.

– Валяйте, – говорит один из них, забирая деньги, и они возвращаются к своему прерванному занятию.

Зак трется о мою спину, покусывает мне шею, и я надеюсь, как черт знает кто, что кабинка скоро освободится, иначе все, кто есть в туалете, увидят, как Зак на меня спускает. Когда дверь открывается, кажется, что прошла целая вечность, хотя на самом

деле наверняка не больше пары минут.

Зак заталкивает меня внутрь. Я предполагаю, что он хочет минет, и потому, когда он закрывает дверь, расстегиваю и приспускаю его штаны. Но потом он неожиданно хватает меня и разворачивает. Положив ладонь мне на шею, рывком нагибает меня, так что мой затылок упирается в стенку, а лоб ложится на крышку бачка. Он расстегивает мои джинсы, стаскивает их вниз, а я пытаюсь уговорить себя, что

все нормально. Я закрываю глаза. Заставляю себя дышать, пока он чем-то занят там сзади. Мое сердце колотится так часто, как никогда. Я чувствую, как он толкается в меня. И на долю секунды испытываю вспышку первобытного страха. Одно ужасающее мгновение я панически боюсь, что он возьмет меня насухую. И уже готов начать сопротивляться, просто инстинктивно и только, но потом головка его члена легко минует колечко мышц, и я понимаю, что

он продумал все лучше, чем мне казалось. Смазка, наверное, была у него в кармане. Я делаю глубокий вдох и заставляю себя расслабиться.

Он стонет, пока вталкивается в меня. Медленно, плавно вводит в меня член до упора, затем останавливается. На секунду замирает, не двигаясь, глубоко во мне. Когда я начинаю думать, не передумал ли он, почти до конца выходит – и снова вталкивается внутрь, но уже быстрее. А потом, словно кто-то щелкает

выключателем, он срывается.
Позволяет своим потребностям
взять над собой верх и становится
таким, каким я еще ни разу его не
видел. По-прежнему удерживая
меня одной рукой, он начинает
вбиваться в меня все чаще и резче.
Моя голова стучается о кафель,
руки ищут что-нибудь – что
удобно, – за что можно уцепиться,
и в итоге я просто упираюсь в
стену.

Меня это не особенно
возбуждает, однако ничего
неприятного в этом нет. Зак груб

– но не настолько, чтоб я не справился. Кроме него, я больше никому в мире не позволю так с собой обращаться, и он это знает. В том, наверное, и есть причина, что он так сильно этого хочет.

Я знаю, долго он не продержится. Выгибаю спину, толкаясь к нему, и слышу в ответ глухой стон. Он хватает меня за волосы и разворачивает мое лицо, щекой к бачку, чтобы видеть мое лицо и линии, густо окружающие черным мои глаза. А потом кончает как никогда

раньше – во всяком случае, со мной такого еще не бывало, – о чем узнают все, кто есть в туалете.

Парни, которые снаружи ждут своей очереди, смеются, и один из них говорит:

– Похоже, полтинник был потрачен не зря.

Зак ложится мне на спину. Все еще тяжело дышит. Поцеловав меня в щеку, он тихо шепчет:

– Надеюсь, ты не сердишься

на меня за то, что я сейчас сделал.

Я даже и мысли такой не допускаю.

– Я правда твой север?

– Ты мое все.

– Похоже, это значит, что иногда я еще и твой Зигги Стардаст.

Глава 6

Мэтт

Как обычно мы с Анжело проснулись раньше Джареда с Заком. Я позвонил ему, и мы договорились встретиться около лифта.

– Что за черт у тебя с шеей? – спросил я, когда он подошел, потому что не заметить гигантский засос было попросту невозможно.

Он косо посмотрел на меня. На его щеках проступил легкий румянец.

– Обжегся о свои щипцы для завивки, – ответил он, нажимая на кнопку вызова лифта, и я расхохотался.

– Насколько я понимаю, вы помирились?

К моему удивлению он зарделся еще сильнее.

– У нас все нормально. – Он не смотрел на меня и отвечал не своим обычным вызывающе-наплевательским тоном, но тихим и слегка нерешительным – настолько искренне, насколько

умел. – Даже, наверное, еще лучше, чем раньше.

Он покосился в мою сторону и сразу же отвернулся, словно готовясь к насмешкам. Я поспешил заверить его, что не смеюсь:

– Я рад.

Мы взяли кофе навынос и на трамвае доехали до «Парижа», где пошатались немного, а затем дошли до отеля «Нью-Йорк, Нью-Йорк». Когда мы выдвинулись обратно на север, позвонил

Джаред – сказать, что они с Заком наконец-таки встали, – и мы договорились встретиться напротив «Белладжио».

– Жаль, что не получится еще раз посмотреть на фонтан, – сказал Анжело, пока мы, ожидая Зака и Джареда, смотрели на озеро. Фонтан должен был заработать не раньше трех, тогда как мы планировали выехать в полдень.

– Можно уехать попозже, – сказал я. Эта мысль уже

приходила мне в голову. –
Например, часов в пять. Нам
тогда придется ехать всю ночь, но
если вести машину по очереди,
то будет терпимо. У нас с
Джаредом завтра выходной. А у
вас с Заком все равно останется
несколько часов до открытия.

Он улыбнулся.

– Уже думал об этом, но не
хотел предлагать первым. Вы,
парни, и так достаточно поржали
надо мной во время этой поездки.

Тут подошли Зак с Джаредом.

Зак как обычно встал позади Анжело и одной рукой обнял его за шею, Анж откинулся на него и, когда Зак шепнул что-то ему на ухо, улыбнулся. Они выглядели счастливыми, как никогда прежде.

– Господи, Зак, – внезапно произнес Джаред. – Что ты сотворил с его шеей?

Анжело опять покраснел, а Зак шутливо ответил:

– С чего ты взял, что это я?

Я засмеялся, но Джаред нет. Когда я оглянулся, то с изумлением обнаружил, что он гневно смотрит на Анжело и выглядит таким взбешенным, каким я его еще никогда не видел.

– А кто тогда?

Зак с Анжело вместе обернулись к нему. Анжело выглядел настороженным. Его обычным дерзким поведением и не пахло. А Зак... Зак выглядел негодующим. Я попытался осмыслить, что происходит. Мне

бы никогда и в голову не пришло
подумать, что засос на шее
Анжело оставил не Зак, поэтому
я не воспринял его ответ всерьез.
Но теперь я видел, что
заблуждался.

– Джаред, оставь. – В тихом
голосе Зака четко прозвучала
угроза, но Джаред не обратил на
нее внимания.

– Ты опять это сделал, да? –
обратился он к Анжело. – Захотел
потрахаться и не смог себе
отказать?

– Хватит! – сказал Зак. Он обнял Анжело обеими руками, и пусть тот и не вырывался, было видно, что Зак готов к этому. Джаред не слушал его.

– Ты всегда думаешь исключительно о себе. О себе и о *своих* желаниях. И никогда о Заке!

– Джаред... – Я взял его за плечо, но он сбросил мою ладонь и вновь принялся нападать на Анжело, словно я ничего и не говорил.

– Ты думаешь, если Зак не

может сказать тебе «нет», это автоматически значит, что все нормально? Ты думаешь, будто можешь делать все, что заблагорассудится, трахаться направо и налево, а Зак обязан это терпеть? Если да, то ты ошибаешься! Ты все равно поступаешь эгоистично, так что не удивляйся, если в один прекрасный день он прозреет и бросит тебя, а ты опять останешься совершенно один!

Глаза Анжело были закрыты, но почему – от сдерживаемых

слез или от ослепляющей ярости – я не знал. Было ясно, Джаред ударил его по больному. Но еще я видел, что он взбешен, и знал, что если эта эмоция возьмет верх, то события примут окончательно отвратительный оборот. Джаред был крепким парнем, но драться не умел точно, и потому, как бы неприятно ни было признавать это, в случае чего я бы поставил на Анжело. Возможно, Джаред и заслужил хорошую взбучку, однако вопреки всякой логике я ни за что на свете не собирался

дать кому-то – кому угодно –
тронуть его хоть пальцем. Даже
Анжело. Даже если Джаред сам
напросился.

Зак крепко удерживал
Анжело и что-то шептал ему на
ухо. Что он говорил, слышно не
было, но я видел, что Анжело
слушает. Секунду спустя он
кивнул. Зак отпустил его. Я
выступил было вперед,
загораживая от него Джареда, но
Анж даже не посмотрел на нас.
Он просто опустил голову и
ушел.

Теперь я точно не знал, что делать – идти за Анжелом или остаться с Заком и Джаредом. Зак принял решение за меня.

– Не надо, – непререкаемым тоном сказал он мне. Затем повернулся к Джареду – с таким лицом, что тот даже отступил на шаг назад. – Я не знаю, с чего ты взял, что имеешь право осуждать нас, но говорю тебе, Джаред: лучше прекрати это прямо сейчас.

– Тебя я не осуждаю, –

воинственно ответил Джаред.

– Ну да. Потому что я в твоём представлении не более, чем коврик у двери, о который Анжело вытирает ноги. Уж извини, но я не вполне польщен этой твоей оценкой. – Джаред повесил голову, однако Зака это не затормозило. – Ты хоть представляешь, что творилось у него в голове на этой неделе? Едва ли, и просвещать тебя я точно не собираюсь. Но я скажу тебе вот что: *ты ошибаешься*, и во всем! – Он подошел к Джареду на шаг

ближе. – А что касается прошлой ночи... ты и здесь ошибся. Если б ты только знал, что случилось на самом деле, если б ты знал, чего ему это стоило... – Он замолчал и на секунду прикрыл глаза в попытке взять эмоции под контроль. Я никогда не видел Зака в такой ярости. И не предполагал, что он может так злиться. Открыв глаза, он сделал навстречу Джареду еще один шаг. Теперь их разделяло всего несколько дюймов. – То, что ты о нем думаешь – твое личное дело,

но предупреждаю: больше никогда – *никогда* – не говори ему подобные вещи, Джаред. Если не можешь научиться не совать свой нос в чужие дела, то по крайней мере держи свой чертов рот на замке!

Джаред стоял с опущенной головой. Его щеки пылали. Он понимал, что дал маху. Может, он пока и не знал, как исправить свою ошибку, но осознавал, что виноват именно он. Зак с минуту смотрел на него, проверяя, станет он возражать или нет.

– Мне очень жаль, – сказал Джаред в итоге.

– Одного твоего сожаления мало, – ответил Зак. И на этом тоже ушел.

Оставшись одни, мы долго молчали. Джаред не смотрел на меня, а я, стоя у каменного ограждения, смотрел на безмолвное озеро и ждал, когда он заговорит.

– Я опять это сделал, да? – наконец спросил он.

– Если под «этим» ты имеешь в виду «открыл рот и начал распинаться, не имея на руках всех фактов», то да. Ты опять это сделал.

Он окинул меня
настороженным взглядом.

– А *ты* знаешь, что
произошло вчера ночью?

– Нет. Понятия не имею. Мы с Анжелю на такие темы не разговариваем. Знаешь, в чем между нами разница? Я могу принять то, что игры, которыми

они увлекаются, – их личное дело. А вот ты по какой-то неведомой для меня причине – не можешь. – Он повернулся ко мне спиной, но я успел увидеть, как его глаза вспыхнули гневом. – Расскажи, что случилось.

– Мэтт, – сказал он с сарказмом, – мне казалось, мы уже установили, что я не знаю, что...

– Хватит! – Если до сих пор я не злился, то теперь начал. Я не кричал. Мой тон был негромким,

низким, а речь – медленной и размеренной. – Я не о прошлой ночи, и ты это знаешь. – После этих слов его плечи немного поникли. – Я имею в виду Новый год. Тем вечером точно что-то случилось. Я помню, ты сказал «ничего», но это явно неправда. Так что я спрашиваю тебя еще раз, Джаред, и буду очень признателен, если ты мне ответишь. *Что случилось?*

Он снова повернулся ко мне – пусть и не полностью, но теперь я хотя бы видел его профиль, пока

он смотрел на озеро.

– Анжело переспал с Коулом.

– Что?! – Когда речь заходила о давнем секс-приятеле Джареда, у меня отказывала логика, и потому мое инстинктивное возмущение было направлено скорее на Джареда, чем на Анжело.

– Ты меня слышал.

– И что? – спросил я ледяным голосом. – Ты ревнуешь?

Джаред развернулся ко мне.
Его лицо побагровело от гнева.

– *Нет!* – отрезал он резко.
Поколебался секунду, а потом
добавил: – Думаю, мы оба
прекрасно знаем, что из нас двоих
к Коулу ревную не я.

Джаред был, разумеется,
прав. Мое предположение о том,
что он хотел Коула для себя, было
не более чем плодом моего
воображения. Я знал: кроме
симпатии, порожденной годами
дружбы, Джаред к нему ничего

не чувствует. Сделав глубокий вдох, я заставил себя успокоиться. Мне надо было прекратить взбрыкивать, как ревнивый любовник, и начать слушать его, как друг. Я заставил себя отодвинуть предубеждения в сторону и вспомнить, о чем он мне говорил.

– Анжело изменил Заку? – спросил я. Гнев растаял, и мой голос опять стал нормальным.

– Не совсем. – Вызов исчез и из его голоса тоже. Мы закончили

цапаться. – Это измена, если Зак не был против?

Мне пришлось ненадолго задуматься.

– Ты не ревнуешь Коула, – наконец сказал я. – Ты завидуешь Анжелю. Тебе хочется от меня такой же свободы, какую дает ему Зак.

Я попытался представить, что почувствую, если узнаю, что у Джареда был секс с кем-то другим. Смогу ли я вынести мысль о том, что другой мужчина

трогал его, целовал, спал с ним?
Но к моему облегчению он
сказал:

– Нет. – Его голос был тихим,
но твердым. Когда я посмотрел на
него, то увидел, что он смотрит
мне прямо в глаза. – Ну, не
совсем. Я не могу сказать, что
мысль о сексе с другими никогда
не приходила мне в голову. Мы
оба мужчины. Наверняка и у тебя
были такие фантазии.

– Насчет *мужчин* – точно нет.

Он рассмеялся.

– Можно было и догадаться. –
Он отвернулся к озеру. – Мне
нравится то, что у нас есть, Мэтт.
И я не хочу ничего менять.

– Ты уверен?

Его взгляд вновь встретился с
моим, и он сказал:

– На все сто.

– Это лучшая новость за день,
– произнес я со всей
искренностью, и он улыбнулся.
Его русые волосы были собраны в
хвостик. Как обычно, слушаться

они отказывались. Кудри то тут, то там выбивались из-под резинки. От солнца на носу у него проступили веснушки, глаза были голубыми и ярко сияли, пока он смотрел на дурацкое искусственное озеро. И в это самое мгновение я вдруг почувствовал, как мое сердце набухло в груди и стало таким огромным, что можно было только удивляться, как оно до сих пор не взорвалось. День за днем мы проживали нашу жизнь вместе. Я всегда был с ним

счастлив. То было ровное, уютное счастье, основанное на дружбе, но порой во мне словно из ниоткуда появлялось и вспыхивало осознание того, как много он для меня значит. Анжело называл это моими «моментами изумления». И от них у меня всякий раз захватывало дух.

Я шагнул к нему. Стянул резинку с его волос, выпуская непокорные кудри на волю, затем захватил их в горсть и наклонил его голову так, чтобы можно было поцеловать его в шею.

В тот момент мне было
плевать, видит нас кто-нибудь
или нет. Пускай хоть весь мир
смотрит.

– Я люблю тебя, – сказал я,
целуя то мягкое местечко под его
ухом. Он тихо вздохнул, и я, даже
не заглядывая ему в лицо, понял,
что его глаза закрылись на время,
пока он прятал в свою коробочку
это мгновение. Он расслабился на
мне, и я завернул его в свои
объятия.

– Скажи это еще раз, –

прошептал он.

И я повторил, глядя ему в глаза:

– Я люблю тебя.

Он улыбнулся мне.

– Это лучшая новость за день.
– Я поцеловал его, и хотя мы стояли в людном месте, он с готовностью мне ответил. Я любил ощущать его сильное, твердое тело, его руки, крепко обнимающие меня. Но уже через секунду он игриво оттолкнул

меня прочь. – Перестань, – сказал он дразняще. – Я вообще-то должен чувствовать себя виноватым.

– Ты прав, – признал я, с неохотой отпуская его. – Но если ты не завидуешь Анжу и не ревнуешь Коула, то тогда в чем проблема?

– Наверное, я сделал вывод, что Анжело просто делает все, что хочет, не заморачиваясь насчет того, как относится к его действиям Зак. Мне казалось, Зак

спускает ему это с рук лишь потому, что думает, будто это единственный способ удержать его.

– Другими словами, ты решил, что Анж – эгоистичный засранец, а Зак – эдакий бесхребетный нюня?

Он пристыжено усмехнулся.

– Когда ты так это говоришь, то засранцем начинаю выглядеть я.

– А что, есть способ сказать

это как-то иначе?

Он хмыкнул.

– Намек понят.

– Ты их обоих

недооцениваешь. Наш вариант отношений подходит нам, но он не единственный. Я не могу сказать, что понимаю это их соглашение. Черт, я даже не знаю наверняка, в чем оно состоит. Но... – Я пожал плечами. – Нам с тобой и не надо понимать это, Джаред. Они счастливы вместе. И это главное.

Он помолчал немного, затем
мягко сказал:

– Ты прав.

– Я думаю, ты должен
попросить у Анжа прощения.

– Я знаю.

– До отъезда.

Он закатил глаза.

– Знаю! Как думаешь, где он?

– Есть только два места, куда
он мог пойти, и в одном из них

мы находимся прямо сейчас.
Значит, что остается?

– Галерея?

– Точно. – Я потянул его за
вьющуюся прядь. – Скажи это
еще раз.

Он искоса посмотрел на меня,
и улыбка потянула уголок его рта
вверх.

– Ты манипулятивный
ублюдок.

– Не это.

Повернувшись ко мне, он одной рукой обнял меня за талию.

– Ты прав, – сказал он. Потом взглянул на меня с искорками в глазах. – А знаешь, что еще?

– Что?

– Я правда мухлюю.

– Каждый раз?

– Всегда.

Глава 7

Анжело

Наверное, этого следовало ожидать. Джаред косо смотрел на меня с самого Нового года. И все же, ну почему сейчас?

Ведь утро было таким хорошим. В основном потому, что у меня была невероятная ночь. После клуба мы вернулись в наш номер, легли в постель, и Зак прошептал мне на ухо: «Все, что

пожелаешь, ангел». И всего лишь во второй раз за все время именно я перевернул его на живот, после чего заснул рядом с ним, а не в другой кровати, и птица у меня в груди даже не пискнула.

Не могу объяснить нормально, но я знаю: у нас все получится. Я уверен: мы предназначены друг для друга. Звучит глупо, но это правда. И я счастлив, как никогда в жизни.

В общем я провожу свое хорошее утро с Мэттом. Если

меня и смущает дурацкий гигантский засос, то... короче, я ничего не могу с ним поделать. Так что я просто пропускаю подколы Мэтта мимо ушей. Когда приходят Зак с Джаредом, Зак обнимает меня за шею и шепчет: «Я думал о тебе все утро». И я не поворачиваюсь к нему и не целую прямо здесь и сейчас только из-за того, что знаю: Мэтт с Джаредом опять начнут краснеть и смущаться.

Но потом Джаред ни с того ни с сего открывает свой рот и

спрашивает насчет засоса. Я знаю, Зак даже не думает, когда отвечает. И надо же было Джареду принять все это всерьез – пусть даже Зак и сказал чистую правду.

Не успеваю я понять, что за херня творится, как Джаред срывается на меня. Его слова причиняют боль, ведь он озвучил ровно то, что я думаю. Но еще я прихожу в бешенство. И я не знаю, что делать. Я не дурак. Я знаю, если я шевельнусь в сторону Джареда, мне придется

иметь дело с Мэттом, но
ссориться еще и с ним я не хочу.
И потому стараюсь просто
дышать и не двигаться с места.

Руки Зака сжимаются вокруг
меня, и я слышу:

– Не вздумай его слушать,
ангел. Он ничего не знает о нас. И
я позабочусь о том, чтобы
просветить его. Но ты сам ничего
не делай, ладно? Доверься мне.
Просто иди, а я скоро тебя
догоню. – Это просто невероятно,
какое облегчение я испытываю

при этих его словах. Просто невероятно, до чего я рад, что мне можно не разбираться с Джаредом. Потому что я дико устал бороться. – Я могу отпустить тебя? – спрашивает он, и я киваю.

Его руки разжимаются. Я задерживаюсь рядом с ним еще на секунду. Хочу поблагодарить его, но момент для этого неудачный. Я не смотрю на Джареда. И на Мэтта тоже. Я просто беру и ухожу.

Не проходит и нескольких минут, как Зак звонит мне, и я говорю, что пошел к галерее. Я обгоняю его всего на одну-две минуты. Внутри галереи повсюду расставлены маленькие скамеечки, и я сажусь на ту, с которой видна понравившаяся мне картина. Немного позже рядом садится Зак, оседлав скамью так, что я оказываюсь у него между ног.

Он наклоняется ко мне, чтобы можно было говорить тихо, но чтобы я его слышал.

– Анжело, мне так жаль.

Извини меня.

Это удивляет меня.

– За что?

– Это я виноват...

– Не надо, Зак. Нет причин
извиняться.

– Это я виноват в том, что мы
пошли туда. Я виноват в том, что
у тебя остался засос на шее. Я
виноват в том, что не смог просто
сказать, что это был я...

– Хватит, – говорю я и на всякий случай прикладываю к его губам палец. – Зак, я не хочу, чтобы кто-то из нас жалел о вчерашней ночи. У меня нет проблем с тем, что было. И я не дам им испортить то хорошее, что у нас есть.

Он берет мою руку, целует мою ладонь.

– Анж, я так сильно люблю тебя.

– Я знаю.

– Нам ведь здорово вместе, правда?

– Нам идеально. – И после этого он целует меня. Прямо по-настоящему, прямо там, в галерее. Леди, которая тут работает, с отвращением отворачивается, но мне на нее плевать.

Через минуту он поднимается и начинает бродить по галерее, разглядывая другие картины. Я вижу, он не понимает их суть так, как я, но это

нормально. Вскоре появляется Джаред. Он идет прямо ко мне и, судя по лицу, собирается извиниться. По правде говоря, я больше и не сержусь на него. Мне просто хочется, чтобы мы все снова стали друзьями. Зак, однако, преграждает ему дорогу. Между ними происходит короткий и тихий, но напряженный разговор, после чего Зак кивает и уходит вглубь галереи.

Джаред садится рядом со мной. Поначалу он не

произносит ни слова. Довольно долго мы просто сидим и смотрим на висящую перед нами картину. Я все жду и жду, а он все молчит, и я начинаю думать, может он ждет, чтобы я перед ним извинился? Оборачиваюсь и вижу у него на лице до нелепости бестолковую улыбку.

– Что смешного? – говорю я, и он даже вздрагивает немного – настолько он ушел в свои мысли.

– Я думал о Коуле.

– Почему? – спрашиваю я,

хоть и не уверен, так ли уж мне охота узнать ответ.

– Ты знаешь, что я знаком с ним вот уже больше десяти лет?

– Нет. – Я не понимаю, к чему, черт побери, он клонит.

– Просто забавно... Когда мы закончили колледж, он переехал в Финикс. Мы встречались раза по три в год, не чаще, и всегда не больше, чем на одну ночь. С тех пор, как я познакомился с Мэттом, я видел его всего дважды, и это было почти два года назад.

– Да? – Я по-прежнему не понимаю, к чему он.

– Ты когда-нибудь замечал, что, стоит мне упомянуть его имя, как Мэтт практически зеленеет от ревности, а из ушей у него начинает валить пар?

Я хмыкаю.

– Замечал.

– А с тобой он провел... сколько? Минут двадцать-тридцать?

– Не особо смотрел тогда на часы.

– И из-за этого между нами вышла вся эта ерунда.

– Похоже на то.

– Такое ощущение, будто он, сам того не желая, сыграл в наших жизнях очень важную роль. – Он оборачивается ко мне со странной улыбкой. – Ты вообще представляешь, в какой восторг он придет, если узнает? Скажет что-нибудь типа: «Дорогой, я *всегда* произвожу

впечатление». – И тут уж я прыскаю. Я не знаю его так близко, как Джаред, но легко представляю, как он выдает именно эти слова.

Мы сидим молча еще минуту, а потом он наконец произносит:

– Прости меня, Анжело.
Хотелось бы сказать это по-другому, лучше, но...

– Ты тоже прости меня.

Он поднимает на меня удивленный взгляд.

– За что?

– Не знаю, – отвечаю я честно.

– Наверное, за то, что я все испортил.

– Ты ничего не испортил. Это я повел себя, как засранец.

– Единственным человеком, с которым я вчера занимался сексом, был Зак.

Я вижу, мое признание удивляет его, однако потом он говорит:

– Это не мое дело.

– Ты прав, – соглашаюсь я, –
но я все равно хочу, чтоб ты знал.

Джаред опять замолкает –
пытается, по-видимому,
определиться: оставить вещи, как
есть, или добавить что-то еще. В
итоге он делает долгий вдох и
произносит:

– Я не понимаю, как ты так
можешь. – Он бросает на меня
осторожный взгляд. – Даже не ты.
Вы оба. Наверное, из-за этого я и
сорвался. Я все пытался

представить, при каких обстоятельствах позволил бы Мэтту переспать с кем-то другим, и смог надумать только один вариант – если б у меня не осталось другого выбора.

– Мы не такие, как вы, – говорю я, и на лице у него появляется какое-то странное выражение.

– Да, похоже это был урок дня.

– Предоставленный тебе буквой З.

Он смеется.

– З значит Зак?

– Нет, – говорю я. – З значит Зигги. – Он не понимает – и ладно. Я ловлю себя на том, что улыбаюсь. – Умираю, как хочется есть, – говорю ему, – Идем. Что-нибудь перехватим.

Глава 8

Анжело

Через месяц

У Зака день рождения, и он этот день ненавидит. Тридцать пять. Для него это, похоже, большое дело. Мы ужинаем со всей Джаредовой семьей, и во время этого ужина у Мэтта с Джаредом происходит нечто настолько чертовски сладкое, что у вас зубы заломит – но это уже другая история.

Мы возвращаемся домой и делаем, что обычно: включаем музыку и садимся за стол

собирать пазл. Зак ведет себя чудновато, то и дело украдкой поглядывает на меня. Я жду, когда он что-нибудь скажет, но он молчит. До тех пор, пока мы не начинаем собираться ложиться спать. Когда он заходит в ванную, я заканчиваю чистить зубы. Он становится рядом, глядит на меня, и его щеки краснеют.

– Ты чего? – спрашиваю я.

Он берет меня за руку. Наклоняется и целует мою ладонь, а потом, глядя на меня с

вопросом в глазах, кладет что-то мне в руку.

Карандаш для глаз.

Я смеюсь.

– Это все? – Он обнимает меня, притягивает к себе так близко, что я ощущаю, как сильно он возбужден. – Долго же нам придется добираться до того клуба, – шучу я, а он качает головой.

– Не как в прошлый раз.
Только глаза. Ты можешь

отказаться.

Но я не отказываюсь. Обвожу этим черным карандашом глаза и размазываю немного по векам. А потом ложусь в постель вместе с Заком. Я не думаю о том, кто больше дает – он мне или я ему. Я наконец-то понял, что это неважно. Как бы там ни было, мы оба счастливы. Это единственное, о чем стоит переживать.

Как я уже говорил в самом начале, во всей этой истории виноват Джаред.

Наверное, мне стоило бы
когда-нибудь поблагодарить его.

Наверное. Мы все знаем, что я
не стану.